ЛАППО

преступления
и наказания
сибирских
кочев. инородцев

М 85
463

М 85/463

Д. Е. ЛАППО.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ и НАКАЗАНІЯ

ПО СТЕПНОМУ ПРАВУ

СИБИРСКИХЪ КОЧЕВЫХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

(МИНУСИНСКІЕ ТАТАРЫ).

КРАСНОЯРСКЪ.
Типографія Енис. Губерн. Управленія.
1905.

26633
91

Печатано по постановленію Красноярскаго Подъотдѣла Географическаго Общества.

2007056060

М 85/463
Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
ф. 2009-34

ПРЕСТУПЛЕНІЯ И НАКАЗАНІЯ

ПО СТЕПНОМУ ПРАВУ

Сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ.

(Минусинскіе татары).

Д. Е. Лаппо.

Non exemplis sed legibus judicandum est.

I.

Источниками *степного права* служатъ, съ одной стороны, *законодательные и иные акты* хановъ кочевыхъ народовъ, а съ другой стороны *обычное право,* созданное условіями степной жизни.

Было время когда монархія кочевниковъ заключалась въ границахъ: между нынѣшней Венгріей и Польшей - съ запада и Великимъ океаномъ—съ Востока. Тогда эта удивительная монархія включала въ себѣ: нынѣшнюю Россію, Китай, Персію, Хиву, Бухару, Азіатскую Турцію и Галичъ; тогда Великій Темучинъ, Чингисъ Ханъ издалъ сводъ степныхъ законовъ: *Великую Ясу,* Ясакъ.

Во время господства Кипчакской или Золотой орды *Великая Яса* была дѣйствующимъ закономъ и для русскихъ; едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что государственныя ея идеи были восприняты и использованы Московскими Самодержцами и нашли затѣмъ себѣ подтвержденіе и освященіе въ Церковно-Византійскомъ правѣ.

Но, конечно, большее значеніе *Великая Яса* имѣла для кочевыхъ народовъ, какъ ранѣе обитавшихъ, такъ и нынѣ живущихъ въ Сибири, Восточной и Южной Россіи; многія положенія Великой Ясы стали обычнымъ правомъ тѣхъ или другихъ нашихъ инородцевъ, или же удержались, какъ пережитки, неимѣющіе юридическаго значенія.

Взять, напр., такое положеніе: онъ запретилъ своему народу ѣсть изъ рукъ другаго, пока представляющій сначала не вкуситъ самъ отъ предлагаемаго, хотя бы онъ былъ князь (эмиръ), а получающій плѣнникъ. *) Я думаю, каждый знаетъ, что такой обычай сохранился не у однихъ степняковъ, но и у природныхъ русскихъ.

Съ распаденіемъ великой степной монархіи обособившіяся племена пользовались Ясой и ея идеями для обезпеченія своей независимости и утвержденія внутренняго міра.

Въ XIV вѣкѣ въ Средней Азіи образовался союзъ монголо-дзюнгарскій, извѣстный подъ именемъ Ойратскаго, и между XIV и XVI вѣкомъ былъ составленъ Цааджинъ-Бичикъ, являвшійся Обще-Ойратскимъ уставомъ.

Этотъ Цаанджинъ-Бичикъ, заимствовавшій государственныя идеи изъ Великой Ясы и представлявшій собою уложеніе обычнаго права Ойратовъ, послужилъ впослѣдствіи около 1640 годовъ главнымъ основаніемъ для составленія *Великаго Степного Уложенія*. Законы эти были установлены на сеймѣ монголо-ойратскихъ князей. Изслѣдователи полагаютъ, что это уложеніе „князей сорока и четырехъ“ основано на обычномъ правѣ, развившемся самостоятельно, но имѣвшемъ точки соприкосновенія съ Ясою Чангисхана, и что источни-

*) Я. Гурлядъ Степное законодательство съ древн. временъ по XVII в. Изв. общ. Арх. ист. и этн. при Казанскомъ универс. т. XX вып. 4,5 Каз. 1904.

комъ его кромѣ обычнаго права была Яса Великая, пайзе и ярлыки. *).

Въ долинѣ Южнаго Енисея сохранились интересные памятники степнаго права: писаницы Абаканская и Шалаболинская. На отвѣсныхъ утесахъ, на видныхъ и защищенныхъ мѣстахъ, начертаны надписи, предметъ которыхъ составляютъ ханскіе указы половины или конца XVII вѣка.

Въ Абаканской писаницѣ излагаются правила объ обращеніи съ поднимавшими оружіе, и повелѣвается убивать ихъ безъ пощады и не смотря на полъ и возрастъ. Это женевская конвенція центральной Азіи XVII вѣка.

Шалаболинская писаница указываетъ на мирный договоръ между Галданомъ, дзюнгарскимъ ханомъ, и мѣстнымъ Тубинскимъ княземъ. Такимъ образомъ предметъ писаницъ относится къ международному праву. Изъ этого слѣдуетъ, что въ то время, какъ русскіе грозно надвигались съ сѣвера, степные народы Средней Азіи принимали мѣры къ созданію прочнаго государства по образцу и на основахъ монархіи Чингисъ-хана.

Слѣды былыхъ организацій можно нынѣ отыскать въ автономныхъ организаціяхъ сойотскихъ князей, да въ родовыхъ (Сеёкъ) дѣленіяхъ нашихъ южно-сибирскихъ инородцевъ; такъ: кость *кыргызъ*—остатокъ могущественныхъ нѣкогда киргизовъ, оказавшихъ русскимъ здѣсь насильнѣйшее сопротивленіе, кость *ойратъ*—потомки дѣятельныхъ ойратовъ или калмыковъ; кости *каска* и *ара*—остатки насельниковъ Тулкинской землицы, составляющей нынѣ земли гор. Красноярска и его уѣзда.

Конечно, за три вѣка своего господства русская государственная власть успѣла совершенно стереть автономіи

*) Пайзе—повелѣніе хановъ, какъ подтвержденіе ярлыковъ, и какъ грамота. Ярлыкъ—указъ.

инородческихъ племенъ и измѣнить ихъ административныя дѣленія; она установила иныя отношенія къ правительственной власти и въ защиту государственнаго единства стремится выдвинуть такія средства, какія были неизвѣстны ни Чингисъ-Хану, ни его преемникамъ. Вліяніе государственной власти на административное и уголовное право, призванное защищать правопорядокъ, обыкновенно чувствуется въ народной жизни ранѣе другихъ правовыхъ вліяній; но и три вѣка оказалось для русскаго правительства недостаточно, чтобы въ области административнаго и уголовнаго права примѣнить къ сибирскимъ инородцамъ учрежденія, соотвѣтствующія потребностямъ современнаго культурнаго государства.

Область примѣненія степного права велика по современному нашему законодательству; самое законодательство о сибирскихъ инородцахъ, примѣняясь къ условіямъ степной жизни, въ немалой степени отразило въ себѣ начала степнаго права.

Обитающіе въ Сибири инородческія племена руководствуются въ своихъ отношеніяхъ степнымъ правомъ.

Кодификація его не остановилась на монголо-ойратскомъ уставѣ. Съ распаденіемъ въ концѣ XVII вѣка ойратскаго союза, послѣ того, какъ часть *халхасовъ* *) подчинилась Россіи, а часть ихъ, а за ними и Монголія Китаю, въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка было составлено дѣйствовавшее въ Китайской Монголіи новое монгольское уложеніе, въ основу котораго, можно думать, легло уложеніе 1640-хъ годовъ.

Въ Монголіи нынѣ дѣйствуетъ законъ: Тулэрги Голобо-дасара Чжургань и Весимбуфи токтобуха Кооли т. е., въ буквальномъ переводѣ, Уложеніе утвержденное по всеподданнѣйшему докладу палаты, управляющей внѣшними провин-

*) Халха—часть Восточной Монголіи.

ціями. По словамъ В. Ѳ. Люба, Уложеніе это удостоилось Высочайшаго утвержденія въ правленіе Императора изъ манчжурской династіи Чэнъ-цзу въ 1845 году. Уложеніемъ возведены въ законъ обычаи, существовавшіе въ Монголіи, и въ него введены многія положенія, создавшіяся для страны въ разныя времена *).

Въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія русское правительство также дѣлало попытку составить сводъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ; подлинные сборники этого права, составленные подъ надзоромъ генералъ-губернатора Сибири и спеціальной комиссіи самими инородцами на собственныхъ ихъ языкахъ, не сохранились, но копіи ихъ изданы Д. Самоквасовымъ въ извѣстномъ: „Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ."

Здѣсь воспроизведены многія положенія ойратскаго устава 1640 и другихъ монгольскихъ законовъ, ставшія обычнымъ сохраняемымъ изустно правомъ нашихъ сибирскихъ инородцевъ, а также ихъ обычаи и обычное право—результатъ жизненныхъ условій и вліянія русскаго законодательства и управленія.

Особенности русскаго государственнаго устройства создали, какъ увидимъ ниже, новый источникъ степнаго права: *распоряженія мѣстныхъ властей*. Обширная же область примѣненія *степнаго права* вызвала необходимость учрежденія особыхъ инородческихъ судовъ: *Словесной Расправы Сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ*.

Среди судебныхъ установленій Россійской Имперіи эта *словесная расправа* совершенно незамѣтна. Въ учебникахъ Гражданскаго и Уголовнаго Судопроизводствъ она кое-гдѣ лишь упоминается; составители Большого Энциклопедическаго

*) В. Ѳ. Люба. Землевладѣніе и землепользованіе въ Монголіи. Трудъ Троицкосавско-Кяхтинскаго отдѣленія Пріамурскаго Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. т. I. Вып. 1. Стр. 53.

Словаря Брокгауза и Эфрона совершенно ея не знаютъ. Закономъ 23 апрѣля 1902 года. Врем. Полож. объ устройствѣ Общ. Управ. и Судѣ кочевыхъ инородцевъ Забайкальской области значительно съужена область примѣненія *Словесной Расправы;* но и за тѣмъ эта область остается обширной, такъ какъ, кромѣ забайкальскихъ бурятъ, въ Сибири немало кочевыхъ инородцевъ, интересы которыхъ охраняются Словесной Расправой.

Въ каждой сибирской губерніи кочевые инородцы занимаютъ огромныя земельныя пространства; и здѣсь архаическіе антигосударственные судопроизводственные законы степные продолжаютъ дѣйствовать, поражая проявленіями дикихъ жестокостей всякаго свѣжаго непредубѣжденнаго наблюдателя, останавливающагося съ недоумѣніи предъ печальнымъ явленіемъ, находящимъ себѣ мѣсто въ XX вѣкѣ въ Государствѣ, имѣющемъ въ Сводѣ законовъ Судебные Уставы Императора Александра II.

Уставъ для сибирскихъ инородцевъ былъ для своего времени актомъ высокой важности, потому что онъ хоть сколько нибудь упорядочивалъ отношенія сибирскихъ аборигеновъ къ представителямъ Императорской власти, а также опредѣлялъ кругъ отношеній, въ которыхъ инородцы были предоставлены самимъ себѣ, другими словами, точно опредѣлялъ границы закона и обычая. Неудивительно, что администраторы, проникнутые государственными идеями геніальнаго Сперанскаго, привѣтствовали въ своемъ обращеніи къ кочевникамъ уставъ 22 іюля 1822 г. отзывами въ родѣ слѣдующаго:

„Доселѣ вы принуждены были по дѣламъ своимъ хлопотать по судамъ, не зная ни законовъ, ни языка русскаго; доселѣ съ униженіемъ и трепетомъ стаивали вы по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ на крыльцахъ нашихъ судилищъ, но

нынѣ ваши дѣла должны разбираться въ улусахъ родоначальника, и князьки кругомъ огня въ юртахъ своихъ или подъ небомъ чистымъ судятъ на родномъ языкѣ по правамъ предковъ, какъ отцы, какъ старшіе братья своихъ родовичей *).

Такимъ рисовался судебный институтъ Сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ, именуемый Словесной Расправой, въ представленіи просвѣщеннаго администратора перваго Енисейскаго губернатора Степанова, извѣстнаго романиста и писателя.

Словесной Расправой инородцевъ именуются правила, которыми руководствуются органы управленія кочевыми сибирскими инородцами при разбирательствѣ ихъ исковыхъ дѣлъ.

Особыхъ судебныхъ органовъ для разсмотрѣнія исковыхъ дѣлъ кочевыхъ сибирскихъ инородцевъ не установлено; они подлежатъ разбирательству въ ихъ родовыхъ управленіяхъ (75) **) словесно; и до письменныхъ просьбъ имъ дѣла нѣтъ (76).

Вторую степень Словесной Расправы составляетъ инородная управа (80), а третью и послѣднюю Крестьянскій Начальникъ (81).

Инородная же управа составляетъ первую степень Словесной Расправы въ дѣлахъ между людьми разныхъ стойбищъ (80), а Крестьянскій Начальникъ въ дѣлахъ между людьми, подчиненными разнымъ управамъ (81).

Сроковъ на обжалованіе не установлено; рѣшеніе каждой степени имѣетъ полную силу, ежели тяжущіеся ими довольны (87).

---

*) А. Ярловъ. Кызыльцы стр. 49.

**) Цифры въ скобкахъ означаютъ статьи положенія объ инородцахъ по изданію свода 1892.

Послѣ же неудовольствія на рѣшенія во всѣхъ степеняхъ Словесной Расправы исковыя дѣла кочевыхъ Сибирскихъ инородцевъ начинаются въ окружныхъ судахъ съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ въ законахъ о судопроизводствѣ гражданскомъ (св. зак. т. XVI ч. II ст. ст. 756—758 и пол. об. ин. 98).

Рѣшенія Окружныхъ Судовъ окончательныя и обжалованію не подлежатъ (Мн. Госуд. Сов. Выс. утвер. 13 мая 1876 г. ст. III).

Главная обязанность Словесной Расправы состоитъ въ прекращеніи *частныхъ между инородцами несогласій* и въ примиреніи спорящихся на основаніи степныхъ законовъ и обычаевъ (86).

II.

Такимъ образомъ дѣла, подлежащія разбирательству Словесной Расправы, законъ именуетъ *исковыми*, а споры по такимъ дѣламъ *частными несогласіями*, причемъ законъ значительно расширяетъ для кочевыхъ инородцевъ это понятіе *исковыхъ* дѣлъ сравнительно съ частными дѣлами коренныхъ обывателей Россіи.

Въ примѣчаніи къ 75 ст. полож. об инор. слѣдующимъ образомъ опредѣлена подсудность Словесной Расправы: „Уголовными дѣлами, изъятыми отъ Словесной Расправы, относительно Сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ, вообще считаются: возмущеніе, намѣренное убійство, разбой и насиліе, дѣланіе фальшивой монеты, похищеніе казеннаго и общественнаго имущества и корчемства, всѣ же прочія, не исключая и кражи, считаются исковыми“ *).

*) „Здѣсь мы встрѣчаемся съ такими неопредѣленными наименованіями преступныхъ дѣяній, какъ «возмущеніе», «насиліе» (конечно, не въ смыслѣ 142 ст. Уст. о нак., нал. мир. суд., а какъ болѣе важное преступленіе, за которое инородцы судятся въ общихъ судебныхъ установленіяхъ)“.

Впрочемъ необходимо оговориться; законъ примѣняетъ и къ дѣяніямъ инородцевъ термины: „преступленія и проступки“. Въ Улож. о нак. изъятія и ограниченія для кочевыхъ инородцевъ опредѣлены слѣдующимъ образомъ: „всѣ кочевые и бродячіе Сибирскіе инородцы за преступленія и проступки, менѣе важныя, судятся по ихъ обычаямъ“, но затѣмъ эти менѣе важныя преступленія и проступки, не исключая и кражи, считаются исковыми дѣлами (прилож. V къ ст. 168).

Отсюда слѣдуетъ:

Оставленіе человѣка въ опасности и неоказаніе помощи;

Всѣ виды тѣлесныхъ поврежденій (увѣчья, раны, побои, разстройство здоровья, разстройство умственныхъ способностей—1477—1490 ст. ст. Улож.);

Задержаніе и заключеніе;

Похищеніе людей;

Всѣ виды кражи, простой, легкой, тяжкой и квалифицированной;

Грабежъ безъ насилія;

Всѣ виды мошенничества;

Особые виды святотатства (234 и 235 ст. ст. Улож.);

Присвоеніе чужаго имущества;

Поврежденіе чужаго имущества, напр. отравленіе скота, зажигательство, потопленіе;

Обманное присвоеніе чужой недвижимости—всѣ перечис-

С. П. Трегубовъ. Исключительная подсудность туземцевъ при дѣйствіи «Новаго Уголовнаго Уложенія» Въ Журналѣ Министерства Юстиціи 1904 г. № 9. Ноябрь. Здѣсь разсмотрѣны «постановленія дѣйствующаго законодательства, разграничивающія подсудность общеимперскихъ судебныхъ мѣстъ отъ разнообразныхъ по своей внѣшней формѣ и внутреннему содержанію установленій судебнаго и административнаго характера, творящихъ судъ и расправу между инородцами и туземцами обширныхъ областей сѣвера, юга и востока Россіи».

Мнѣніе С. Трегубова, что кочевые и бродячіе инородцы Сибири *за разбои* изъяты изъ дѣйствія общихъ уголовныхъ законовъ, не правильно, ибо *разбой* состоитъ изъ двухъ элементовъ—похищенія и насилія; при *разбоѣ насиліе* именно и составляетъ то „болѣе важное преступленіе, за которое инородцы судятся въ общихъ судебныхъ установленіяхъ“. Мнѣніе С. Трегубова не подтверждается и практикой; оно объясняется недосмотромъ автора, пропустившимъ на стр. 115 „*Разбои*“ при перечисленіи преступныхъ дѣяній за которыя кочевые и бродячіе инородцы судятся по общимъ законамъ.

ленныя дѣянія, совершенныя Сибирскими кочевыми инородцами въ ихъ кочевьяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда и потерпѣвшей стороной являются лица, принадлежащія къ кочевымъ инородцамъ, могутъ явиться лишь предметомъ вниманія *Словесной Расправы*, не заслуживая вниманія государственной власти; въ этихъ дѣяніяхъ не усматривается публичнаго интереса; они принадлежатъ къ исковымъ дѣламъ кочевыхъ Сибирскихъ инородцевъ.

Какой ироніей послѣ этого звучатъ слѣдующія слова курса Уголовнаго Судопроизводства:

„Судъ въ современномъ процессуальномъ строѣ есть функція государственной власти. Прошло уже время, когда дѣло суда было дѣломъ самихъ потерпѣвшихъ, индивида или общежитія. Далеко за нами лежитъ и эпоха, видѣвшая въ правосудіи право отдѣльныхъ лицъ (суды патримоніальные или помѣщичьи), сословій (суды сословные) и отдѣльныхъ вѣдомствъ (приказная система). Постепенно окрѣпая, государственная власть всецѣло сосредоточила у себя право суда, принявъ на себя заботу доставить гражданамъ безпристрастнаго и независимаго посредника для разрѣшенія ихъ взаимныхъ претензій. Всѣ судебныя установленія, не исключая мировыхъ и судебно-административныхъ органовъ уѣзда, входятъ въ систему государственныхъ присутственныхъ мѣстъ. Всѣ судебныя рѣшенія постановляются именемъ верховной государственной власти, „по Указу Его Императорскаго Величества“. Это начало государственности имѣетъ силу, какъ для уголовнаго, такъ и для гражданскаго суда. Въ обоихъ случаяхъ, судъ служитъ не частнымъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ общественныхъ кружковъ, или отдѣльныхъ вѣдомствъ, а общимъ государственнымъ интересамъ правосудія“ *).

*) И. Я. Фойницкій. Курсъ т. I. Изд. 2. Стр. 7.

III.

Но законодательство наше по отношенію къ Сибирскимъ кочевымъ инородцамъ въ разсматриваемой области является въ высшей степени невыдержаннымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, оно не признаетъ за кражей, мошенничествомъ, грабежемъ безъ насилія, поджогомъ и проч. дѣяніями среди инородцевъ въ ихъ кочевьяхъ уголовно-наказуемыхъ дѣяній, и возникающія изъ такихъ дѣяній дѣла именуетъ исковыми, а съ другой стороны инородческимъ обществамъ въ Сибири предоставлено составлять приговора о переселеніи инородцевъ за развратное поведеніе изъ мѣстожительства въ другіе уѣзды Сибири (прим. къ 205 ст. Уст. о пред. и прес. прест.) на томъ же основаніи, какъ и государственнымъ крестьянамъ.

„Книги инородныхъ управъ, въ особенности Абаканской и Аскизской для записи общественныхъ приговоровъ,—говоритъ П. Кулаковъ: переполнены постановленіями объ удаленіи изъ обществъ инородцевъ, уличенныхъ въ конокрадствѣ.

„Такъ какъ Иванъ Калмыковъ ведетъ себя недобросовѣстно. а именно занимается кражами скота и проч...

„Удалить Тохтаракова, конокрада ремесленника...

„Такъ какъ конокрадъ Копчегашевъ наказанъ былъ розгами, но къ исправленію его поведенія не послужило—такъ обыкновенно мотивируются постановленія о выселеніи конокрадовъ“ *).

Если конокрадство служитъ лишь предметомъ исковыхъ требованій, то казалось бы, оно не должно относиться къ дѣянію порочному, вредному или развратному поведенію и влечь за собою такую кару, какъ насильственное выселеніе.

*) Минусинскіе и Ачинскіе инородцы. Статьи Е. Кузнецовой и П. Кулакова 18. стр.

Такіе приговора однако охотно утверждаются губернаторской властью.

Далѣе, Родовому Управленію предоставлено право взыскивать за маловажные проступки по обычаямъ каждаго племени и въ качествѣ домашняго исправленія (140). Здѣсь родовое управленіе примѣняетъ свою власть не въ качествѣ *Словесной Расправы*, а въ *качествѣ домашняго исправленія*. Между тѣмъ казалось бы, что между уголовными дѣлами, изъятыми отъ *Словесной Расправы*, и исковыми дѣлами Сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ, подлежащихъ разбирательству *Словесной Расправы*, не должно быть мѣста маловажнымъ проступкамъ, ибо положеніе о Сибирскихъ инородцахъ ихъ не перечисляетъ и не даетъ опредѣленія, что считать маловажнымъ проступкомъ.

Конечно, такая власть родового старосты противорѣчитъ той аксіомѣ, которая легла въ современномъ государствѣ во главу зданія гарантіи личности: nullum crimen, nulla poena sine lege.

Врем. полож. о крест. нач. знаетъ запреты, за нарушеніе которыхъ Сибирскіе кочевые инородцы подлежатъ наказанію. По 41 ст. полож. о кр. нач., въ случаяхъ непосредственно усмотрѣннаго самимъ крестьянскимъ начальникомъ совершенія лицами, подвѣдомственными инородческому управленію, нижеслѣдующихъ проступковъ: 1) неисполненія законныхъ требованій или постановленій другихъ правительственныхъ властей; 2) нарушенія общественной тишины (посредствомъ ссоры, драки или иного буйства) и 3) грубости къ властямъ,—крестьянскому начальнику предоставляется: или распорядиться привлеченіемъ виновныхъ къ отвѣтственности въ общеустановленномъ порядкѣ или подвергнуть ихъ собственною властію, безъ формальнаго производства, аресту на время не свыше *трехъ* дней или

денежному взысканію не свыше *пятнадцати* рублей. Означенныя наказанія могутъ быть опредѣлены крестьянскимъ начальникомъ за неисполненіе законныхъ требованій или постановленій правительственныхъ властей въ томъ лишь случаѣ, если виновные не были привлечены къ отвѣтственности въ порядкѣ судебномъ.

Нельзя не видѣть, что въ данномъ случаѣ, попечительная дискреціонная власть инородческаго начальника конкурируетъ съ отеческой дискреціонной властью родового старосты; различіе въ томъ, что размѣръ наказанія, при наложеніи его крестьянскимъ начальникомъ, опредѣленъ закономъ; при наложеніи же взысканія за маловажные проступки родовымъ старостой послѣдній долженъ руководствоваться *обычаями своего племени.*

Однако родовой староста проявляетъ свою внѣсудебную карательную власть надъ ввѣренными ему инородцами не только *въ качествѣ домашняго исправленія.* На родовомъ старостѣ лежитъ сборъ податей; онъ за нихъ и отвѣчаетъ; подати взыскиваются съ родового управленія за весь родъ, какъ съ одного нераздѣльнаго лица (143). Самого его начальство можетъ понуждать къ платежу ясака: 1) настоятельнымъ убѣжденіемъ, 2) задержаніемъ его, старосты, его сына или ближняго родственника, 3) задержаніемъ части звѣриныхъ шкуръ, въ продажу привезенныхъ *). Такъ какъ на инородцахъ недоимокъ небываетъ, то начальству не приходится прибѣгать къ такимъ средствамъ. Но сами родовые старосты и ихъ помощники при взысканіи ясака съ отдѣльныхъ родовичей прибѣгаютъ и къ болѣе строгимъ мѣрамъ понужденія.

При неуплатѣ недоимки родовой староста, эсаулъ или десятникъ *таскаютъ недоимщиковъ за волосы,* бьютъ по

*) Уст. о прям. нал. ст. 618 и 620.

ищекамъ; а при невозможности недоимщиковъ уплатить подать ихъ отдаютъ въ заработки *).

Уже изъ этого видно, что не всякія дѣянія Минусинскихъ кочевыхъ инородцевъ, и кромѣ именуемыхъ закономъ уголовнымъ, влекутъ за собою одни лишь гражданскія послѣдствія.

Независимо всего Сибирскія власти, не считаясь съ закономъ, стремились расширить область наказуемыхъ дѣяній, совершаемыхъ Минусинскими кочевыми инородцами.

Въ 1848 году испр. обязанности Генералъ-Губернатора Восточной Сибири издалъ правила противъ пьянства, возложивъ на Инородныя Управы и Улусныхъ Начальниковъ подъ страхомъ ихъ отвѣтственности надзоръ за исполненіемъ этихъ правилъ. Въ числѣ изданныхъ правилъ заключаются и слѣдующія:

3. Кто найденъ будетъ на улицѣ или общественномъ мѣстѣ отъ пьянства въ безпамятствѣ, тотъ подвергается суточному содержанію на хлѣбѣ и водѣ.

4. Кто злообычевъ въ пьянствѣ, или болѣе времени въ году пьянъ, нежели трезвъ, бываетъ, тотъ подвергается содержанію въ смирительномъ домѣ до исправленія **).

Если можетъ быть допустимо нѣкоторое исключеніе изъ начала nullum crimen, nulla poena sine lege для обычнаго права, то не можетъ быть двухъ мнѣній для такого исключенія въ пользу административнаго распоряженія, какимъ являются правила Генералъ-Губернатора Восточной Сибири, устанавливающія между прочимъ запретъ „злообычности въ пьянствѣ", нарушеніе котораго влечетъ за собою лишеніе свободы на неопредѣленное время: *въ смирительномъ домѣ до исправленія*...

*) См. мою статью въ „Извѣстіяхъ" Томск. Универс. 1904 г. Общественное Управленіе Минусинскихъ инородцевъ стр. 52, 53.

**) П. Кулаковъ Стр. 61.

Само собой разумѣется, что законъ и административныя распоряженія не могли не оказать своего вліянія на практику „Словесной Расправы“ и „Родового Управленія въ качествѣ домашняго исправленія“.

IV.

Система наказаній за проступки у Минусинскихъ татаръ, по словамъ князя П. А. Кострова *), основана на розгахъ и на возвращеніи покраденнаго или отнятаго вдвое, втрое и вчетверо, смотря потому, въ который разъ совершенъ проступокъ.

Но чтобы сразу войти въ кругъ понятій кочевыхъ инородцевъ по разсматриваемому вопросу, представляется не лишнимъ привести общественный приговоръ Мелецкой инородной Управы:

Въ 1875 году инородцы Подкаменскаго „улуса, будучи въ собраніи цѣлаго общества, совмѣстно съ родовымъ старостой нашимъ Аѳанасіемъ Катышевымъ, куда явившійся инородецъ этого же улуса Степанъ Кучешевъ просилъ нашего взысканія съ инородца одного съ нимъ улуса Михаила Урдаева за побои Кучешеву. Но мы, имѣя въ виду, что завиняемый Урдаевъ служитъ головою Управы, замѣняющимъ намъ родоначальника, почему и не находимъ себя вправѣ судить его по своимъ обычаямъ и законамъ, какъ должностное лицо, утвержденное высшимъ начальствомъ, и самое почетное, не только между нами, но и другими инородцами вѣдомствъ Управы, тѣмъ болѣе еще, что по этимъ обычаямъ и законамъ существуетъ у насъ мѣра взысканія съ виновнаго и недолжностного инородца слѣдующая: или въ наказаніи его розгами, смотря по винѣ и сколько заблагоразсудится судьямъ, а можно даже и такъ, чтобы виновный остался толь-

*) Князь П. А. Костровъ. Очерки быта Минусинскихъ татаръ. Въ трудахъ четвертаго Археолог. съѣзда въ Россіи т. I. Казань 1884 г.

ко живымъ трое сутокъ послѣ наказанія, или въ собственноручномъ битіи его за волосы и кулаками почему попало, кромѣ вредныхъ частей тѣла, всѣми инородцами, находившимися при судѣ, поперемѣнно, или, наконецъ, въ взысканіи иска съ виновнаго со штрафомъ: скота, звѣриныхъ шкуръ и денегъ, въ пользу просителя и судій, по ихъ же произволу*)".

Такой приговоръ не обмолвка; подъ нимъ подписались бы всѣ улусныя общества и Аскизской, и Абаканской Инородныхъ Управъ; въ этомъ приговорѣ откровенно изложены libri terribiles степныхъ законовъ Минусинскихъ инородцевъ; такія именно наказанія примѣняютъ родовыя управленія и въ качествѣ словесной расправы, и въ качествѣ домашняго исправленія.

Такимъ образомъ маловажные проступки и нѣкоторыя исковыя дѣла (прим. 75 и 140) кочевыхъ инородцевъ влекутъ за собой слѣдующія взысканія:

1) Или наказаніе розгами, смотря по винѣ и сколько заблагоразсудится судьямъ.

Высшая мѣра: чтобы виновный остался только живымъ трое сутокъ послѣ наказанія.

2) Или въ собственноручномъ всѣхъ инородцевъ, находящихся при судѣ, поперемѣнно, битія его за волосы и кулаками почему попало, кромѣ вредныхъ частей тѣла.

Само собой разумѣется, что высшая мѣра и здѣсь должна остаться таже: бить чтобъ не сразу убить, чтобы нельзя было установить умышленнаго убійства.

3) Или во взысканіи иска съ виновнаго со штрафомъ.

4) Если дополнить этотъ перечень самымъ распространеннымъ и наиболѣе практикуемымъ наказаніемъ — лишеніемъ

*) А. Ярловъ Мелецкіе инородцы, Юрьевъ 1899, стр. 74.

свободы въ видѣ ареста въ каталажкѣ, то мы исчерпаемъ наказанія, примѣняемыя органами Управленія Минусинскихъ кочевыхъ инородцевъ, коимъ ввѣрены судебныя функціи.

Право же переселенія порочныхъ инородцевъ въ другіе уѣзды предоставлено обществамъ. Опредѣленіе обществъ по такимъ дѣламъ не обставлено никакими гарантіями. Общество въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ въ качествѣ органа полиціи, какъ дѣйствуетъ родовой староста въ качествѣ домашняго исправленія, которому и ввѣренъ надзоръ за членами своего рода. Также обществу ввѣренъ надзоръ за порочными членами.

Въ степной практикѣ встрѣчаются и другія наказанія.

Мнѣ разсказывали о случаяхъ подвѣшиванія за ноги или ребра къ перекладинамъ юрты лицъ, заподозрѣнныхъ въ конокрадствѣ

Инородца, покушавшагося на изнасилованіе женщины, били по лицу штанами, которые онъ порвалъ.

Но такія наказанія можно считать единичными; они не входятъ въ лѣстницу степныхъ наказаній, не являются нормальными.

Законъ не ограждаетъ угрозой наказанія отъ преступныхъ посягательствъ, въ кочевьяхъ инородцевъ ихъ личности и имущества, онъ отказался оградить ихъ безопасность. И степная жизнь, не регулируемая закономъ, безпорядочно выдвигаетъ въ защиту личности, въ огражденіи мира и безопасности, которыя также необходимы въ степяхъ, какъ и въ многолюдныхъ городахъ, ту или другую репрессивную мѣру, которая можетъ нерѣдко поразить своею дикостью или жестокостью.

По вопросу о примѣненіи тѣлесныхъ наказаній къ женщинамъ, Аскизская Степная дума на запросъ Енисейскаго Губернатора въ 1877 году отвѣтила. „что женщины-ино-

родки по степнымъ обычаямъ подвергались тѣлесному наказанію за нарушеніе супружеской обязанности и вообще за развратное поведеніе; наказывались онѣ по приговорамъ обществъ, утвержденнымъ родовымъ старостою, публично мущинами изъ ближайшихъ ихъ родственниковъ; наказаніе производилось, не снимая съ нихъ лѣтней одежды. Страхъ этихъ наказаній только и удерживаетъ отъ распутной жизни женщинъ; произведенное наказаніе приводило ихъ къ исправленію. Въ теченіе 5 лѣтъ съ 1872 года въ вѣдомствѣ степной думы была наказана тѣлесно одна женщина инородка, которая послѣ того уже не замѣчалась въ порокахъ; болѣе сего женщинамъ въ степной думѣ тѣлесныхъ наказаній не дѣлалось"*).

Правда, теперь не слышно, чтобы женщины подвергались тѣлеснымъ взысканіямъ, но надо имѣть въ виду, что степь удивительно какъ умѣетъ хранить свои тайны; и если инородцы освѣдомлены, что начальство не желаетъ, чтобы чинились тѣ или другія наказанія, то такія наказанія и не будутъ примѣняться, т. е. родовыя управленія и инородныя управы не будутъ писать постановленій объ ихъ примѣненіи. Авторитетъ закона, авторитетъ представителей государственной власти въ глазахъ кочевыхъ инородцевъ слишкомъ великъ, чтобы они не согласовали своихъ дѣйствій съ ихъ велѣніями. Разъ инородцы узнали, что по имперскому закону женщины освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, они не стали приговаривать ихъ къ такимъ наказаніямъ, какъ не приговариваютъ конокрадовъ къ таскапію за волосы или къ собственноручному всѣхъ присутствовавшихъ на судѣ битію кулаками почему попало.

Такихъ письменныхъ приговоровъ нѣтъ теперь; и надо заслужить большое довѣріе инородцевъ и инородческихъ вла-

*) Минусинскіе и Ачинскіе инородцы статьи Е. Кузпецовой и И. Куликова стр. 62.

стей, чтобы получить отъ нихъ кое-какія свѣдѣнія о примѣненіи подобныхъ взысканій къ лихимъ людямъ сибирскихъ степей.

Насколько велико вліяніе имперскаго законодательства и правительственныхъ органовъ на степное право, можно судить по тому, какъ отразился на этомъ правѣ Всемилостивѣйшій Манифестъ 11 Августа 1904 года, отмѣнившій тѣлесныя наказанія, установленныя *по закону* за проступки для сельскихъ обывателей, *инородцевъ*, а также другихъ лицъ, не изъятыхъ отъ сихъ наказаній по правамъ состоянія или особымъ узаконеніямъ, и замѣнившій въ потребныхъ случаяхъ другими *взысканіями на основаніяхъ, указанныхъ въ подлежащихъ узаконеніяхъ.*

Такъ какъ тѣлесныя наказанія у кочевыхъ сибирскихъ инородцевъ установлены не по закону, а по обычаю, и замѣняющихъ ихъ другихъ взысканій нигдѣ узаконеніями не указано, то казалось бы, что Всемилостивѣйшій Манифестъ 11 августа 1904 г. совершенно не касается уголовныхъ степныхъ репрессій. Но не такъ посмотрѣли на дѣло мѣстныя власти: вслѣдствіи распоряженія крестьянскаго и инородческаго начальника, Абаканская инородная управа воспретила наказаніе розгами на томъ основаніи, что въ Манифестѣ буквально (sic!) сказано, что освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія крестьяне, инородцы и вообще всѣ неизъятые прежде отъ него, почему и кочевые, значитъ, избавлены.

Это значитъ загнать болѣзнь внутрь*).

*) Вліяніе имперскаго законодательства на право сибирскихъ инородцевъ внѣ всякаго сомнѣнія, что ясно видно и изъ Сборника обычнаго права Д. Самоквасова. Напримѣръ, обычаи братскихъ Идинскаго, Тункинскаго, Балаганскаго и Кудинскаго вѣдомствъ; въ главѣ II: Дѣла судомыя родовыми старшинами—приведены слѣдующія соображенія: „по древнему братскихъ обыкновенію и на *основаніи узаконеній* считаютъ они слѣдующія дѣла предоставленными собственному ихъ разбирательству во избѣжаніе формальнаго въ судебныхъ мѣстахъ производства, отъ коего, по образу иновѣрческой жизни, древнимъ обычаямъ и *непросвѣщенію своему*, полагаютъ они, что могутъ имѣть отя-

V.

Теперь посмотримъ, какія исковыя дѣла и маловажныя проступки влекутъ за собою степныя взысканія.

Розги въ Абаканской и Аскизской инородныхъ управахъ примѣняются къ отвѣтчикамъ по самымъ разнообразнымъ дѣламъ; число ударовъ опредѣляется усмотрѣніемъ судей, и представляется невозможнымъ отыскать здѣсь какое либо руководящее начало.

Личныя обиды, оскорбленія чести, картежная игра, ослушаніе, кража влекутъ за собой наказаніе розгами въ томъ размѣрѣ, какой заблагоразсудится „Словесной Расправѣ"*).

Аёшинъ за дурное поведеніе и *дерзость* противъ священника и Родоваго старосты по приговору Бѣлоюсскаго родоваго старосты наказанъ 15-ти ударами розги.

Аскыровъ за буйство наказанъ 15 удар. розги Тубинскимъ родовымъ старостой въ 1868 году.

Тотъ же Аскыровъ за избитіе и обниманіе дѣвки по приговору общества и членовъ управы наказанъ 35 удар. розги, и взыскано съ него убытковъ за увѣчье (?) 7 руб. 50 коп. Бучугуровъ за оскорбленіе выборнаго получилъ въ 1873 г. 20 розогъ. Аткинъ за похвальбу украсть лошадь у письмоводителя Мукосѣева и ругательство по постановленію Управы приговоренъ къ 15 розгамъ.

Жульнинъ за словесную обиду князьцу и развратное поведеніе по приговору князьцовъ въ 1851 г. наказанъ 45 розгами, за ударъ плетью князьца 60 роз. и на 6 сутокъ въ управской тюрьмѣ на хлѣбъ и воду.

1900 г. апрѣля 2 дня Тубинскій родовый староста по жалобѣ Карпса Захара Степанова Колмыкова на сына Павла, предавшагося пьянству, разврату и лѣности, расточавшаго скоть и лошадей, неповиновеніе котораго дошло до того, что онъ не разъ бросался на отца съ топоромъ въ рукахъ, постановилъ: Павла Захарова Колмыкова наказать пятнадцатью ударами розогъ при Абаканской инородной управѣ, о чемъ ему объявить

гощеніе, волокиту и растроенность въ состояніи ихъ". Узаконенія послужившія основаніемъ приведены въ выноскѣ; причемъ въ числѣ ихъ приведены Всемилостивѣйшій Манифестъ 1775 г. марта 17 и Высочайшій указъ 1795 года сентября 25 дня: объ уничтоженіи и запрещеніи вовсе наказанія безъ суда, батажьемъ, кошками и плетьми, подъ строгимъ подтвержденіемъ. Стр. 87 и 88. Признаніе собственнаго *непросвѣщенія* также необходимо отнести на счетъ посторонняго вліянія.

*) Н. И. Иссаръ—Иссарцевъ. Матеріальн. къ изуч. обычн. права инор. Минусин. уѣзда Сиб. Набл. 1905 г. Кн. 3. Стр. 37—41.

безъ права обжалованія. Кокошкинъ за намѣреніе растлить Горбунокову приговоренъ родовымъ старостой къ 15 розгамъ.

Кокошкинъ за нанесеніе побой матери наказанъ по ея просьбѣ розгами.

По рѣшенію родового старосты Сагайскаго 2 п. рода Аскызской инородной управы въ улусѣ Синявинскомъ наказаны розгами 20 ударами каждый два инородца брата за оскорбленіе нанесеніемъ побой дѣвушкѣ, украденной замужъ за одного изъ нихъ и не пожелавшей съ нимъ жить.

Въ томъ же улусѣ за нанесеніе побоевъ замужней женщинѣ виновный приговоренъ къ 15 розгамъ и уплатѣ убытковъ въ размѣрѣ 25 руб.

Аспасъ Павлушевъ за картежную игру по жалобѣ родителей приговоренъ къ 15 удар. розгой.

Моховы за картежную игру наказаны одинъ 23 ударами, а другой 2 ударами розги.

Аткинъ за самовольныя отлучки, пьянство и неплатежъ ясака по постановленію управы наказанъ 10 розгами.

Аёвъ приговоренъ Тубинскимъ родов. старостой за обманы и праздношатательство къ 10 розгамъ.

Бахановъ въ 1850 году за намѣреніе къ самоубійству наказъ 80 розгами.

Аскыровъ по постановленію управы и родовыхъ старостъ за ослушаніе распоряженіемъ наказанъ 15 розгами, за кражу коровы 45 роз. и „по очень распутному поведенію держать при управѣ до распоряженія“.

Въ 1871 году Норловъ за обольщеніе въ взятіе дочери Попкой, бывшей замужемъ, за Кутежековымъ подвергнуть 10 ударамъ розгой, кромѣ того съ него взыскано 202 руб. на удовлетвореніе Кутежекова за арчу (вино и припасы, доставляемые женихомъ родителямъ невѣсты при добровольномъ сватовствѣ).

Родовый староста 1 пол. Шалошина рода Доможаковъ 2 марта 1901 г. приговорилъ инородца Аскызской инородной управы Королъ Николая Никитина Сунчугашева за кражу скота у Конгарова къ 20 удар. розгой и опредѣлилъ взыскать съ Сунчугашева въ пользу Конгарова 85 рублей убытковъ по розыску скота. Розыски же заключались въ томъ, что Конгаровъ по слѣдамъ пріѣхалъ во дворъ Сунчугашева и отобралъ отъ него покраденный скотъ.

Бирскій родовый староста 29 апрѣля 1899 года приговорилъ Варлама и Ивана Аешиныхъ, Алексѣя Кыштымова, Сергѣя Спирина и Федора Щетинина къ 15 ударамъ розгой каждаго за обрѣзаніе хвостовъ у лошадей табуна Спирина.

Отнынѣ послѣ распространенія Всемилостивѣйшаго Манифеста 11 августа 1904 г. на Минусинскихъ кочевыхъ инородцевъ наказаніе розгами не будетъ опредѣляться пись-

менными постановленіями родовыхъ старостъ, какъ не встрѣчается въ ихъ постановленіяхъ упоминанія о тѣхъ истязаніяхъ, которыя причиняютъ во время *Словесной Расправы* лицамъ заподозрѣннымъ въ воровствѣ.

Собственноручное всѣхъ присутствующихъ на Судѣ битіе обвиняемаго за волосы и кулаками, почемъ попало — не встрѣчается въ письменныхъ постановленіяхъ родовыхъ старостъ и инородныхъ управъ. Приговоръ Мелецкой управы не точно опредѣляетъ это наказаніе, собственно говоря не правильно изложено: не *„битіе за волосы"*, а практикуется *тасканіе за волосы*, которые у тюрко-монгольскихъ племенъ, къ которымъ принадлежатъ и Минусинскіе кочевники, отличаются крѣпостью. Бьютъ не только кулаками по чему попало, бьютъ чѣмъ попало и почемъ попало. Собственно говоря, это *не наказаніе по приговору компетентнаго суда;* это средство добиться сознанія обвиняемаго — главнѣйшей улики, важнѣйшаго доказательства въ несложномъ процессуальномъ степномъ правѣ; это *пытка* *). Эти истязанія предшествуютъ рѣшенію родоваго старосты по существу.

*) Въ сосѣдней Урянхайской землѣ у сойотовъ практикуются пытки и во время слѣдствія, и какъ наказаніе. Ф. Я. Конъ. Предварительный отчетъ по экспедиціи въ Урянхайскую землю. Ирк. 1903 г. стр. 37. Е. К. Яковлевъ. Этногр. Обз. насел. южн. Енисея. Минус. 1900 г. стр. 98. Судя по стройности системы пытокъ и участію въ нихъ китайскихъ чиновниковъ, надо думать, что они регламентированы уложеніемъ для внѣшнихъ провинцій 1845 года

У другихъ Сибирскихъ инородцевъ встрѣчаются также *истязанія:* у вогулъ, остяковъ и самоѣдовъ Тобольской губ. за воровство болѣе нежели на семь золотниковъ серебра подвергался *(?)* лишенію тѣлесныхъ членовъ и заключенію; за убійство при грабежѣ, если бы ничего виновные не взяли, наказаніе шелепомъ до смерти, а за грабежъ и убійство лишеніе рукъ и ногъ, и потомъ преданіе смерти. Обличеннаго въ воровствѣ князь или старшина наказываетъ розгами или палками (Сбор. Обыч. Права Сиб. инор. Д. Самоквасова. Стр. 18). У Перчинскихъ тунгусовъ: *наказаніе плетью жестоко* за обиду отцу или матери Ibidem плеть стр. 30. У нихъ: «Буде кто украдетъ лошадь, вола, верблюда, барана, козла, деньги, вещи, чтобы то нибыло, того вора, накрѣпко державъ, допросить словесно и подробно, а послѣ, *бивъ его*, также спрашивать, да при томъ, за поиски его, по мѣрѣ объѣзженнаго разстоянія, за употребленныхъ на то лошадей и людей, сообразно дознанной оцѣнкѣ, съ того вора взыскать и заплатить, а его *жестоко побить плетью*. Ibidem. стр. 40. Какъ видно здѣсь порядки тѣ же что у Минусинскихъ инородцевъ.

Если, проѣзжая мимо инородной управы, вы услышите несущіеся оттуда отчаянные вопли и крики, то на вашъ тревожный вопросъ инородецъ—ямщикъ отвѣтитъ хладнокровно: „судятъ воровъ“.

Судятъ воровъ!

— А правда, что у васъ на судѣ сильно бьютъ воровъ всѣмъ обществомъ?—Спросилъ я Дмитрія Кокова, голову Абаканской инородной управы.

— Безъ того нельзя!—Отвѣтилъ онъ мнѣ: что же съ ними дѣлать? Надо, чтобъ хоть маленько боялись. Теперь при всемъ обществѣ не бьютъ, но только при вѣрныхъ людяхъ, чтобъ не болтали. А то пошли кляузы, знаешь, жалобы... непріятности.

Nullum crimen, nulla poena sine lege, Апостолъ Павелъ въ посланіи къ римлянамъ (4, 15) выразилъ этотъ афоризмъ изреченіемъ: „гдѣ нѣтъ закона—нѣтъ и преступленія“. У Минусинскихъ кочевыхъ инородцевъ нѣтъ закона, но есть преступленія, существуютъ и наказанія.

Истязанія воровъ происходятъ на каждомъ судѣ.

„Весной 1904 года одного запороли на смерть: вынесутъ на улицу, положатъ на снѣгъ и порятъ, а потомъ обольютъ холодной водой и къ допросу. Затѣвалось слѣдствіе, да трупъ подгнилъ, и не удалось обнаружить кровеподтековъ, а староста той порой умеръ“.

Описаніе этой „Словесной Расправы“ можно найти лишь въ жалобахъ, приносимыхъ инородцами на неправильныя дѣйствія родовыхъ старостъ и членовъ инородныхъ управъ.

Примѣняется она преимущественно при допросахъ конокрадовъ и скотокрадовъ, чтобы вынудить у нихъ „сознаніе“, ибо при осужденіи за кражи главными уликами служитъ

нахожденіе у заподозрѣннаго въ кражѣ похищеннаго, его сознаніе и показаніе потерпѣвшаго. Необходимость добыть улику—сознаніе и побуждаетъ родоваго старосту и общественниковъ истязать отвѣтчика до *сознанія*. Участіе въ судѣ родовичей показываетъ, что и въ сознаніи Минусинскихъ кочевыхъ инородцевъ такія дѣянія, какъ кража, далеко не носятъ частноправнаго характера. За сознаніемъ слѣдуетъ постановленіе родоваго старосты и мировая между истцомъ и отвѣтчикомъ о размѣрѣ вознагражденія истца.

Для пытокъ употребляются и розги. Въ Утахъ Голова три дня пыталъ вора розгами до сознанія. Обычными пытками остаются истязанія: бьютъ кулакомъ по чемъ попало, ладонями по щекамъ, таскаютъ за волосы всѣ вмѣстѣ и каждый порознь.

Мнѣ лично одинъ зажиточный инородецъ въ селѣ Усть-Абаканскѣ, гдѣ находится и Абаканская инородная управа. съ пріятной улыбкой сообщилъ:

— Койбалы теперь нашу управу обѣгаютъ кругомъ на 10 верстъ.

— Что такъ?

— Всѣ волосы повыдергали: на-голо почти. Отвѣтилъ онъ, и лицо его просіяло самой блаженной улыбкой.

Дѣло въ томъ, что передъ тѣмъ въ Усть-Абаканскѣ и окрестныхъ улусахъ случилось много кражъ лошадей и скота; подозрѣніе пало на инородцевъ Койбальскаго улуса Аскызской инородной управы; къ нѣкоторымъ изъ нихъ, уже и ранѣе замѣченнымъ въ кражахъ, были предъявлены въ „Словесной Расправѣ“ „иски“. Послѣдствіемъ этихъ исковъ и было то, что койбалы стали обѣгать Усть-Абаканскъ на 10 верстъ и лишились всѣхъ волосъ на-голо почти.

Бьютъ воровъ до сознанія—таково степное право.

Въ Утахъ, напримѣръ, судили воровъ три дня и всѣ дни били, такъ какъ они показывали, что пріобрѣли похищенныхъ лошадей то у того, то у другого лица; а показанія ихъ не подтверждались.

Въ тѣхъ же Утахъ воръ при пыткѣ сознался въ кражѣ и указалъ на сообщника Старшину улуса, тутъ же присужденнаго къ уплатѣ за украденныхъ 7 шт. лошадей 200 руб. и 15 ударамъ розгой.

VI.

Повторяю: истязуютъ воровъ на каждомъ судѣ.

Для иллюстраціи приведу типичное дѣло *).

Инородецъ Райкова улуса Абаканской инородной управы Саросъ—Николай Райковъ подалъ 27 ноября 1902 года Енисейскому Губернатору слѣдующую жалобу:

„Какъ-то послѣ Петрова дня с. г. у инородца нашей управы Шурушева улуса Петки Шурушева было украдено 5 лошадей. Хозяинъ нашелъ ихъ у инородца Койбальскаго рода Кубеджека Мергенева и у именовавшагося мѣщанином г. Минусинска Иродіона Козлова, оказавшагося послѣ бродягой, содержащагося нынѣ въ тюрьмѣ. Застигнутые неожиданностью Козловъ съ Мергеневымъ, вспомивши первое попавшееся имъ на умъ имя, сказали, что лошадей выдалъ имъ я.

„Такому ничѣмъ непровѣренному заявленію родовый староста Кележековъ далъ полное вѣролтіе; не смотря на участіе съ Мергеневымъ Козлова—личности, инородческому суду не подсудной, принялъ дѣло къ своему разрѣшенію и и присудилъ съ меня въ пользу Шурушева 50 руб.

*) Дѣло крестьян. пасальи. 1 уч. Минусинскаго уѣзда. № 36—1904 г.

„Затѣмъ дѣло перешло въ управу, которою я и былъ вытребованъ въ Усть-Абаканское село, ея резиденцію.

„Тутъ 7 с. ноября въ д. инородца Муку Окунева начались мои истязанія. Яьившіеся инородцы со старостой Кызанъ-Кележековымъ—всѣ пьяные—начали меня чѣмъ попало бить, выдергивать на головѣ волосы, требуя, чтобы я сознался и заплатилъ 50 руб. Если кто изъ бившихъ уставалъ, его замѣняли другіе со свѣжими силами. И такъ староста и по его приказанію инородцы, изъ которыхъ помню одного Борчикова улуса Памфила Саражакова, истязали меня до того, что я терялъ сознаніе и лишился почти всѣхъ волосъ въ верхней части головы.

„И такое мученичество мое тѣмъ не окончилось. Избитаго отправили меня въ управу: здѣсь снова били и вырывали волосы, и кромѣ того сѣкли, сколько хотѣлось, розгами.

„Дабы не быть совсѣмъ забитымъ, я вынужденъ былъ сдѣлать все, что отъ меня требовали: и сказалъ, что выдалъ Козлову съ Мергеневымъ лошадей, и выдалъ въ деньгахъ подписку.

„Все доложенное могутъ подтвердить инородцы: Шадринскаго улуса на Усть-Камыштѣ Пэнъ Шадринъ, Верхъ-Койбольскъ рода Чабай, фамиліи не знаю, Покрой Эвце, Алексѣй Ивановъ, Байковъ, Цыганъ Сеняковъ, Коло Тугужековъ и другъ.

„Такъ какъ поступокъ старосты Кызына Кележекова съ инородцами Саражаковымъ и другими представляетъ насиліе предусмотрѣнное 349 и 1489 ст.ст. Улож., въ какую бы форму они облечены ни были, то и руководствуясь 1072 ст. Уст. Угол. Суд. имѣю честь просить Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе о привлеченіи къ отвѣтственности старосты Кележекова съ его пособниками, а о послѣдующемъ распоряженіи объявить“.

Губернаторъ передалъ жалобу крестьянскому начальнику, крестьянскій начальникъ отправилъ ее въ Аскизскую инородную управа, а инородная управа Койбальскому родовому старостѣ „для должнаго и немедленнаго исполненія".

Къ родовому старостѣ бумага попала лишь 12 мая 1903 г.; родовой староста отправилъ переписку въ Бейское волостное правленіе для спроса пастуха Чабая Алахтаева, котораго въ указанномъ мѣстѣ не оказалось. 14 декабря 1903 года переписка вернулась къ Койбальскому родовому старостѣ, который 8 января 1904 года допросилъ инородца Чабая—Владиміра Тонасова Алахтаева. Показанія Алахтаева записаны такъ: не помню какого мѣсяца и числа въ 1902 году я былъ подъ арестомъ въ Абаканской инородной управѣ, гдѣ инородецъ Сайросъ—Николай Райковъ былъ битъ сильно, отъ побоевъ на лицѣ были замѣтны знаки и вытереблены волосы на головѣ; онъ говорилъ, что его избилъ *на судѣ* родовой староста Кележековъ, но я этого лично не видалъ и утвердить не могу".

22 февраля 1904 года инородцы Кола Тугужековъ, Цыганъ Сагояковъ и Алексѣй Банновъ показали родовому старостѣ 2 п. Шалошина рода, что по дѣлу о нанесеніи Райкову побоевъ и объ его истязаніи они ничего не знаютъ. Райковъ занимался кражами и какъ-то давно дѣйствительно говорилъ, что староста Кележековъ жестоко его избилъ.

Покрой Тутатчиковъ и Пойна—Николай Шадринъ—Калаговъ показали головѣ Кокову, что ничего не знаютъ. „Николай Сагояковъ видѣлъ, какъ староста Кележековъ *тянулъ за волосы* Сайруса—Николая Райкова, но наносилъ-ли Кележековъ Райкову побои другимъ способомъ и билъ-ли его розгами не видѣлъ.

Самъ родовой староста или по инородчески князь Алексѣй Кележековъ далъ такое объясненіе головѣ Сукину: „я

дѣйствительно судилъ Райкова лѣтомъ въ 1902 году съ Шурышевымъ, присудилъ съ Райкова 50 руб. Деньги эти Райковъ потерпѣвшему уже уплатилъ. При разбирательствѣ дѣла я, Кележековъ, Райкову ни побой, ни истязаній не наносилъ".

16 февраля 1903 года Енисейскому Губернатору поступило новое прошеніе Сайроса—Николая Райкова: „къ жалобѣ моей посланной почтою 20 ноября м. г. на истязаніе меня старостою Кележековымъ Вашему Превосходительству угодно было отнестись обычно-участливо, и, какъ догадываюсь, назначить дознаніе. Къ несчастью оно угодило въ руки того же Кележекова съ присными, и теперь мнѣ грозятъ еще большими мученіями и полнымъ разореніемъ. Имѣю честь просить Ваше Превосходительство предложить мѣстному крестьянскому начальнику или провѣрить дознаніе, или произвести вновь".

Со стороны Губернатора послѣдовало указаніе крестьянскому Начальнику на его обязанность провѣрять лично жалобы на дѣйствія должностныхъ лицъ крестьянскаго и инородческаго Управленія.

Допросивши указанныхъ въ жалобѣ Райкова свидѣтелей и усматривая изъ жалобы просителя Райкова напраслину на родового старосту Кележекова за то, что онъ присудилъ взыскать въ пользу Шурышева 50 руб. за кражу 5 шт. лошадей и не находя ничего неправильнаго въ дѣйствіяхъ родового старосты Кележекова, крестьянскій начальникъ постановилъ: за неявкою инородца Николая Райкова къ разбору дѣла жалобу его на неправильныя дѣйствія бывшаго родового старосты Кележекова оставить безъ послѣдствій и дѣло производствомъ прекратить.

Я привелъ это дѣло, какъ типичное въ томъ смыслѣ, что всякія жалобы на истязанія и пытки при судѣ Словесной

Расправы являются безполезными: онѣ съ одной стороны тонутъ въ волокитѣ переписки, а съ другой — представляетъ большія трудности установить самое событіе: степь умѣетъ хранить свои тайны. По всѣмъ исковымъ дѣламъ Минусинскихъ кочевыхъ инородцевъ о кражахъ отвѣтчиковъ, т. е. лицъ, заподозрѣнныхъ въ кражѣ, бьютъ ладонями по щекамъ, кулаками по чемъ попало, таскаютъ за волосы, выдергиваютъ волосы и нещадно сѣкутъ розгами; истязуетъ родовой староста, князь, истязуютъ и всѣ, присутствующіе на судѣ родовичи. Прежде истязанія происходили публично и въ нихъ принимало участіе все обществео, но со введеніемъ судебныхъ уставовъ въ Сибири „острастку ворамъ“ „стали давать во избѣжаніе кляузъ“ только при вѣрныхъ людяхъ и при ихъ участіи.

Приведу еще одинъ примѣръ:*)

Инородецъ Бирскаго рода улуса Кангарова Кручина—Семенъ Николаевъ Тобровъ жаловался 26 ноября 1900 г Абаканской Инородной Управѣ, что Бирскій родовой староста 30 сентября билъ его, принуждая сознаться въ кражѣ рогатаго скота у Егора Спирина и Алексѣя Щетинина, между тѣмъ онъ, Тобровъ, не видалъ оговорившихъ его Кижинеева и Кирбижекова, и въ ночь кражи изъ дому никуда не отлучался, въ подтвержденіе чего ссылался на свидѣтелей; но староста всетаки добивался сознанія, нанося тяжелые побои и приказалъ надѣть ему, Тоброву, *колодки на ноги***) и отправилъ въ другой улусъ къ инородцу Щетинину Ксенофонту *на поруки*, гдѣ продержалъ его 21 сутки подъ арестомъ *не снимая колодокъ*, въ концѣ концовъ,

*) Дѣло Абаканской инородной управы по разбирательствамъ между инородцами и по прошеніямъ разныхъ лицъ 1901 стр. 295 и слѣд.

**) Колодка, какъ средство удержанія на мѣстѣ при назначеніи ареста обвиненному употребляется у бурятъ. М. Сафьянниковъ. Инородцы Читинскаго округа; труды Троицкосавскаго От. Имп. Рус. Геогр. Общ. т. I, вып. 1, 1878. Стр. 25.

не добившись отъ него, Боброва, сознанія, всетаки обвинилъ его одного въ кражѣ и присудилъ къ уплатѣ потерпѣвшему всего съ расходами 64 руб. и къ наказанію розгами 15 ударовъ. Послѣ нанесенныхъ старостою побоевъ и заключенія въ колодки, онъ, Бобровъ, прохворалъ все время и даже сейчасъ т. е. 26 ноября нездоровъ и за хворостью чуть было не пропустилъ срокъ обжалованія.

Сославшись на свидѣтелей, Бобровъ просилъ привлечь родового старосту Душинина къ отвѣтственности. Оказалось конечно, что никто ничего не видалъ и не знаетъ о томъ, чтобы родовой староста билъ Боброва.

20 августа 1901 года Боброву было объявлено, что съ своей жалобой онъ можетъ обратиться къ крестьянскому начальнику.

VII.

Самосудъ. Однако проявляемыхъ установленными властями „дикихъ и жестокихъ“ средствъ, созданныхъ степнымъ правосознаніемъ, оказывается совершенно недостаточно для борьбы съ нарушителями степного правопорядка; въ этомъ находитъ себѣ оправданіе примѣненіе *самосуда*, существованіе котораго подтверждается большимъ количествомъ убійствъ по которымъ виновные остаются не обнаруженными.

Наряду съ *самосудомъ* остаются безнаказанными, какъ не обнаруженныя убійства воровъ, застигнутыхъ на мѣстѣ преступленія. Обнаруживъ злоумышленника въ загонѣ около лошадей или уже уводящимъ похищенныхъ, родовичъ, собственникъ лошадей, улучивъ удобный моментъ, убиваетъ наповалъ похитителя или выстрѣломъ изъ ружья, или обухомъ сзади по головѣ. Такія убійства представляются обыкновенно для полицейской и слѣдственной власти наиболѣе загадочными.

Примѣры самосуда я приводилъ уже въ другомъ мѣстѣ*).

Арестъ. Арестъ или заключеніе подъ стражу обыкновенно въ каталажкахъ при инородныхъ управахъ употребляется и какъ мѣра пресѣченія уклоняться отъ суда словесной расправы, и какъ наказаніе за маловажныя преступленія и проступки къ числу которыхъ относятся и неисполненіе обязательствъ.

20 октября 1900 г. Выборный Абаканской инородной управы Доможаковъ заключилъ подъ стражу инородца Ближнекаргинскаго рода Аскизской инородной управы Хорола—Николая Сунчугашева, доставленнаго при бумагѣ Аскизской инородной управы, какъ заподозрѣннаго въ кражѣ 5 скотинъ у Конгарова чрезъ разборъ заплота въ улусѣ ниже Усть-Бен Абаканской инородной управы, *впредь до явки старосты Шалошина I пол. рода.*

3 марта 1900 года Тинскій родовой староста Тугужековъ за неподачу лошадей инородческимъ властямъ на станціи Толчея въ проѣздъ Енисейскаго Губернатора постановилъ: суточныхъ ямщиковъ крестьянина Афонагея Гольщапова подвергнуть аресту при Управѣ на 10 сутокъ (sic!), а инородцевъ Степана Орѣшкова, Константина Тугужекова, Демида Худякова. Ефима Полынцева и Ивана Конгарова на семь сутокъ каждаго, а инородца Кирилла Чаркова, возмущавшаго ямщиковъ къ неповиновенію, арестовать на 15 сутокъ и взыскать штрафъ въ 5 рублей. Изъ переписки видно, что всѣ эти лица были арестованы и отбыли наказаніе до постановленія 3-го марта.

Родовой староста Тубинскаго рода 22 февраля 1901 г постановилъ: признанную сѣнокосную мѣстность за инородцами Кононъ—Кондратіемъ Кульбежековымъ оставивъ полностію въ его владѣніи, воспретить инородцу Козмѣ Кобелькову касаться той мѣстности. Подвергнуть Кобелькова за самоуправство и кражу аресту при Управѣ на семь дней, взыскавъ съ него убытку за двѣ свинки сѣна въ пользу Кульбежекова всего 40 руб. Постановленіе это въ отношеніи сѣнокосной мѣстности считать окончательнымъ, а въ отношеніи ареста объявить Кобелькову съ правомъ обжалованія.

Григорій Тоторовъ за побои Михаилу 16 л. и Николаю 14 л. Тоторовымъ по жалобѣ ихъ отца подвергнуть 7 днямъ ареста.

24 апрѣля 1900 г. Тинскій родовой староста Тугужековъ приговорилъ Петра Филиппова Колмакова къ 7 днямъ ареста за вознамѣреніе нанесенія побой Пошкову: 19 февраля 1901 г.

Родовой староста Старокюсскаго рода Сабуровъ составилъ такое постановленіе:

*) Общественное управленіе Минус. инородцевъ стр. 58.

Инородецъ Баражульскаго улуса Иванъ Васильевъ Колтынаевъ словесно заявилъ, что инородецъ улуса Молоковскаго Маёръ—Иванъ Федоровъ Кобыжаковъ состоитъ ему должнымъ взятыя у него лично деньгами 20 р. 74 к. подъ срочную лѣтнюю минувшаго года работу и присчитанными бывшимъ родовымъ старостой Душининымъ въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей, когда Кобыжаковъ сознался и обѣщалъ уплатить оныя, но впослѣдствіи онаго не исполнилъ. Колтынаевъ и ходайствуетъ предъ старостой о понужденіи Кобыжакова къ уплатѣ сказаннаго долга и истраченнаго на уплату нарочныхъ по требованію Кобыжакова 3 руб. 60 к. Жалоба Колтынаева подтвердилась, но Кобыжаковъ, упорствуя, отказывается, что денегъ не почему добровольно платить не будетъ и не принимаетъ во вниманіе мое добровольное предложеніе и приказаніе, а потому я, староста, постановилъ: деньги въ суммѣ всего 24 руб. 34 коп. *взыскать* съ Кобыжакова по неимѣнію имущества *отдачею въ заработки*, коими и удовлетворить потерпѣвшаго Колтынаева и кромѣ того его, Кобыжакова, *за ослушаніе бывшаго родового старосты и личное мое подвергнуть аресту пятисуточному* сроку при тюремной каталажкѣ при Абаканской инородной управѣ.

Инородная управа 26 марта 1901 г. за № 1235 предписала родовому старостѣ отобрать отъ Кобыжакова отзывъ, обжаловалъ-ли онъ постановленіе 19 февраля; затѣмъ отзывъ представить въ Управу. При этомъ Управа дала знать, что *постановленіе въ отношеніи ареста Кобыжакова, какъ неподлежащее обжалованію, должно быть приведено теперь же*, а потому Кобыжаковъ долженъ быть высланъ въ Управу.

Мнѣ кажется, такія опредѣленія не требуютъ комментарій

1900 года февраля 8 дня члены Абаканской инородной управы, разсмотрѣвъ дѣло по иску купца Абдулъ-Корима-Шагіахметъ Мансурова къ инородцамъ Базаю—Андрею Алексѣеву Саражакову и Алексѣю Константинову Борожакову за некормежъ быковъ, съ перваго 70 руб., а со второго 40 руб., нашли, что Старокюсскій староста отъ 13 апрѣля 1899 г. опредѣлилъ: взыскать съ Саражакова въ пользу Мансурова 70 руб. и съ Борожакова 40 руб. Принимая во вниманіе, что между просителемъ и отвѣтчиками, какъ видно изъ дѣла, при первоначальномъ ихъ соглашеніи не было выговорено неустойки за недокормъ быковъ, а также не было выговорено возмѣщенія убытковъ, могущихъ произойти отъ сказаннаго недокорма, и что вина Саражакова и Борожакова заключается лишь въ невыполненіи словеснаго условія по отношенію къ Мансурову, а потому постановили:

Отмѣнивъ взысканіе съ Саражакова и Борожакова въ пользу купца Мансурова: съ перваго 70 руб., а со второго 40,—выдержать при каталажномъ помѣщеніи Абаканской инородной управы въ теченіе семи сутокъ каждаго *за невыполненіе словеснаго условія, заключеннаго съ купцомъ Мансуровымъ* [Книга на записку рѣшеній Абаканской инородной управы за 1900 и 1901 г. № 8].

Штрафъ и отдача въ заработки встрѣчаются нерѣдко какъ дополнительныя имущественныя взысканія. Присуждаются они въ пользу потерпѣвшаго. Присужденные убытки въ нѣсколько разъ обыкновенно превышаютъ похищенное или произведенные на розыски его расходы, во всякомъ случаѣ не менѣе 3—4 разъ, и заявленія потерпѣвшаго о размѣрѣ убытковъ ничѣмъ не провѣряются.

VIII.

Такимъ образомъ, если съ одной стороны законъ не считаетъ многія дѣянія, совершенныя сибирскими кочевыми инородцами по отношенію другъ къ другу въ предѣлахъ ихъ кочевьевъ, преступленіями или проступками, въ то время какъ тѣже дѣянія, совершенныя въ другомъ мѣстѣ или другими лицами или противъ лицъ другихъ сословій, признаются закономъ преступными и потому уголовно—наказуемыми, то, съ другой стороны предоставленныя самимъ себѣ въ защитѣ мирнаго уклада кочевые инородцы въ борьбѣ съ нарушителями порядка значительно расширили область преступнаго: не только запреты нравственнаго характера, но и простое неисполненіе договора влечетъ за собою наказаніе.

Само собою разумѣется, что многое изъ совершающагося въ юридическомъ быту кочевыхъ инородцевъ надо отнести на счетъ вліянія письмоводителей и ихъ помощниковъ, потому, что они пишутъ всѣ постановленія и отъ нихъ зависитъ редакція постановленій; отъ нихъ же зависитъ нерѣдко и возбужденіе дѣла, потому что они составляютъ подаваемыя жалобы и прошенія.

Такую же роль играетъ и подпольная адвокатура.

Но тѣмъ не менѣе необходимо признать, что самое существо рѣшеній и приговоровъ инородческихъ властей зависитъ отъ нихъ самихъ; а на нихъ вліяетъ вся совокуп-

ность бытовыхъ условій; они не согласились бы на такой приговоръ или рѣшеніе, которые не соотвѣтствовали бы жизненному укладу и сложившимся воззрѣніямъ кочевыхъ инородцевъ и которые не были бы направлены на защиту жизненныхъ началъ ихъ строя.

Всю силу своего разумѣнія инородческія власти прилагаютъ къ защитѣ и поддержанію тѣхъ началъ, которыми держится степной бытъ.

Также точно матеріалъ для жалобъ различнаго рода писарямъ и адвокатамъ даютъ потерпѣвшіе, истцы, обвиняемые и отвѣтчики, они передаютъ свои обиды, разсказываютъ о своихъ потеряхъ и убыткахъ, и излагаютъ основанія по коимъ считаютъ свое дѣло правымъ.

Какъ въ жалобахъ потерпѣвшихъ, просьбахъ истцовъ и другихъ заявленіяхъ сторонъ, такъ въ приговорахъ и рѣшеніяхъ инородческихъ властей выражаются воззрѣнія кочевниковъ на различные правовые институты, на личность и право.

Объемъ примѣненія степныхъ законовъ и обычаевъ Сибирскихъ инородцевъ при изданіи устава объ управленіи инородцевъ 22 іюля 1822 былъ опредѣленъ §§ 68—72 названнаго устава.

§ 68. Всѣ кочующіе и бродячіе инородцы управляются по ихъ собственнымъ степнымъ законамъ и обычаямъ. Но поелику законы сіи и обычаи въ каждомъ племени имѣютъ нѣкоторое и часто важное отъ другихъ отличіе, при томъ же, сохраняясь понынѣ чрезъ одни изустныя преданія, могутъ быть и сбивчивы, и неопредѣлены: то по симъ причинамъ продоставляется мѣстному начальству отъ почетнѣйшихъ людей собрать полныя и подробныя о сихъ законахъ свѣдѣнія, разсмотрѣть оныя по губерніямъ въ особыхъ времен-

ныхъ комитетахъ *смягчить все дикое и жестокое, отмѣнить несообразное съ другими установленіями*, и расположивъ въ подлежащемъ порядкѣ, представить мѣстному главному управленію на утвержденіе.

§ 69. Такимъ образомъ утвержденные степные законы имѣютъ быть напечатаны на Россійскомъ языкѣ, и если можно на языкахъ тѣхъ самыхъ племенъ, до коихъ оные относятся, или на языкѣ съ употребляемымъ ими сходственномъ.

§ 70. Законы сіи и Россійскими Присутственными мѣстами пріемлются въ основаніе въ сужденіяхъ о дѣлахъ кочующихъ и бродячихъ инородцевъ.

§ 71. По напечатаніи сихъ законовъ представить оные въ Правительствующій Сенатъ и не допускать потомъ въ нихъ никакихъ измѣненій, пока съ перемѣною образа жизни и степени образованія, не будетъ надобности измѣнить образъ самаго ихъ управленія.

§ 72. Недостатокъ въ степныхъ законахъ при рѣшеніи дѣлъ дополняется Россійскими законами.

Степные законы и обычаи Сибирскихъ кочевыхъ инородцевъ никогда не были изданы такимъ образомъ, хотя попытка собрать ихъ порядкомъ, указаннымъ въ § 68, и была сдѣлана въ отношеніи нѣкоторыхъ племенъ, какъ это видно изъ вышеупомянутаго Сборника обычнаго права Сибирскихъ инородцевъ изданія Самоквасова*). Но юридическіе обычаи Минусинскихъ кочевыхъ инородцевъ не были собраны въ свое время, и современныя ихъ правовыя воззрѣнія являются результатомъ ихъ жизни не только въ не-

*) Варшава 1876 г. По словамъ М. А. Сафьяникова, юридическіе обычаи бурятъ, какъ Агинскихъ, такъ и Удургинскихъ, подробно и прекрасно изложены въ степныхъ обычаяхъ, изданныхъ въ С.-Петербургѣ. (Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго отд. Пріамурскаго отд. И. Р. Г. О. т. I вып. I стр. 25). Интересно знать, кѣмъ и когда изданъ такой сборникъ.

ріодъ, предшествовавшій уставу 1822 года, но и послѣдующаго періода.

Пользуясь приведенными выше примѣрами, а также рѣшеніями по другимъ дѣламъ инородческихъ властей, можно сдѣлать слѣдующія обобщенія относительно уголовно-наказуемыхъ дѣяній Минусинскихъ кочевыхъ инородцевъ.

А. *Неисполненіе распоряженій какъ инородческихъ властей, такъ и правительственныхъ органовъ.*

Въ этой области влечетъ за собою наказаніе, не только неисполненіе законныхъ требованій, но и такихъ, какъ неисполненіе требованія инородческихъ властей о подачѣ лошадей вопреки 193 ст. Полож. объ инор., обязывающей выборныя власти разъѣзжать на собственныхъ лошадяхъ по кочевьямъ, или неисполненіе рѣшенія родового старосты въ качествѣ 1 степени Словесной Расправы присудившаго уплату долга.

Повиновеніе предержащимъ властямъ, повиновеніе безпрекословное, важнѣйшее начало, на коемъ держится мирный степной укладъ; съ этимъ началомъ, при существующей организаціи учрежденій, невозможно бороться началу закономѣрности.

В. *Обширная область нравственныхъ запретовъ и дѣяній, противныхъ нравственнымъ началамъ, по существу непреступныхъ, но признаваемыхъ такими по сложившимся въ кочевьяхъ воззрѣніямъ:* игра въ карты, пьянство, расточительность, всякаго рода обманы, праздношатайство, ругательство, похвальба совершить преступленіе. За ложное показаніе при допросахъ караютъ, какъ за сообщничество.

С. Но и личное начало въ степномъ быту получило уже высокое развитіе; родовый строй невозвратно рухнулъ; Минусинскій инородецъ уже вышелъ изъ узкаго круга семейно-родовыхъ отношеній. Среди жалобъ потерпѣвшихъ и поста-

новленій родовыхъ старостъ и инородныхъ управъ немало относящихся къ посягательствамъ противъ личности:

1. *Покушеніе (намѣреніе) на самоубійство.* Квалификація этого дѣянія, какъ преступнаго, несомнѣнно результатъ вліянія христіанскихъ воззрѣній *).

2. *Убійство.* Александра Куюкова за убійство мужа приговорена была къ 7 днямъ ареста (ул. Бутрахтскій, Азкызской инор. управы).

На заимкѣ Бея той же управы, за убійство въ дракѣ при игрѣ въ карты виновный приговоренъ къ 7 днямъ ареста.

Въ улусѣ Джиримовомъ Абаканской инородной управы мать и братья убитаго въ дракѣ пожелали взять съ убійцы 150 руб. „За это учиненное преступленіе“ староста присудилъ съ убійцы 50 руб. въ видѣ пропитанія матери убитаго и въ уплату убытковъ

Дѣти въ улусѣ Сайгочахъ убили въ дракѣ дѣвочку Аёшину. Тубинскимъ родовымъ старостой они были отданы на попеченіе родителямъ. Здѣсь нельзя не замѣтить вліянія общихъ законовъ, касающихся малолѣтнихъ.

Однако нельзя не отмѣтить, что въ то время какъ посягательство противъ имущества влечетъ за собой жестокую и суровую кару, посягательства противъ личности карается мягко; дѣла этой категоріи дѣйствительно носятъ исковой характеръ, частный.

3. *Тѣлесныя поврежденія.* Раны, увѣчья, побои, причиненные умышленно и неумышленно, вызываютъ жалобы потерпѣвшихъ и требованія наказанія для обидчика или уплаты безчестья. Предоставленные самимъ себѣ, степняки стремятся и въ рѣшеніи дѣлъ, возникающихъ по жалобамъ на причиненіе тѣлесныхъ поврежденій, внести всю силу своего разу-

*) Кн. П. А. Костровъ отмѣчаетъ у Минусинскихъ инородцевъ *наклонность къ самоубійству.*

мѣнія; въ степной жизни эти преступленія имѣютъ большое значеніе и распространеніе, благодаря низкому культурному уровню степняковъ, благодаря отсутствію правильнаго судоустройства. Рѣдкое собраніе, общественное или частное, обходится безъ легкихъ ранъ, побоевъ, драки...

Какъ характерный примѣръ, приведу слѣдующее дѣло:

Тинскій родовый староста 25 сентября 1900 г. за № 204 донесъ Абаканской инородной управѣ: при семъ въ инородную управу имѣю честь представить актъ Кокошкинскаго старшины, составленный въ поступкахъ инородца Бирскаго рода Константина Ноноктаева въ нанесеніи побоевъ инородческой женѣ Еленѣ Горбунаковой и въ намѣреніи Ноноктаева застрѣлить ее изъ ружья, что вполнѣ свидѣтельскими показаніями устанавливается. И въ тоже время Ноноктаевъ нанесъ побои руками; и даже хотѣлъ ударить Горбунакову камнемъ, но камень отъ него былъ отобранъ. Ноноктаевъ совершилъ вышесказанное преступленіе въ пьяномъ видѣ.

Управа возвратила актъ родовому старостѣ для разбирательства.

Горбунакова и Ноноктаевъ сошлись добровольно (примирились).

Важность тѣлесныхъ поврежденій для здоровья и жизни потерпѣвшаго вліяетъ на подсудность дѣла; она же вліяетъ на размѣръ вознагражденія и на мѣру наказанія.

Для опредѣленія „состоянія здоровья“ пострадавшаго инородческія власти поручаютъ врачамъ его освидѣтельствованіе.

По порученію Абаканской инор. управы 21 марта 1901 г. была освидѣтельствована врачемъ 7 участка Минусинскаго уѣзда Авдотья Дорина, избитая Малкомъ Трояковымъ.

„На волосистой части головы имѣется много засохшей крови, частью замарана кровью и лѣвая коса; опредѣлить мѣстонахожденіе раны за густотой волосъ не удается. На предплечьи лѣвой руки и плеча имѣются кровоподтеки синебагроваго цвѣта; на лѣвомъ боку груди также имѣется нѣсколько кровоподтёковъ: на пальцахъ лѣвой руки имѣется нѣсколько незначительныхъ ссадинъ. Описанныя поврежденія относятся къ категоріи легкихъ“.

Жестокіе степные нравы!

Стороны кончили дѣло миромъ.

И не только инородческія власти понимаютъ важность опредѣленія причиненныхъ поврежденій; сами пострадавшіе возбуждаютъ о томъ ходатайствѣ.

Татьяна Астанаева жаловалась на Павлушева, сдѣлавшаго ей предложеніе вступить съ ней въ любовную связь, такъ какъ она на это не согласилась, то онъ ударилъ ее кулакомъ по носу, изъ котораго пошла кровь, а затѣмъ схватилъ за волосы и косу и „дерзостно тиранилъ“; но Астанаева всетаки не согласилась, тогда Павлушевъ пришелъ въ какое-то звѣрское отчаяніе, „началъ меня, сказано въ жалобѣ, зубами грызть, первоначально шею и щеку укусилъ, а потомъ искусалъ мои руки, на которыхъ сейчасъ знаки отъ зубного укушенія; и эти зубныя укушенія прошу освидѣтельствовать чрезъ врача или фельдшера“.

Обыкновенно, тѣлесныя поврежденія и побои причиняются „во время гулянокъ“.

4. *Посягательства противъ личной свободы*:

а) *Насиліе и самоуправство* слабо выдѣляются изъ другихъ посягательствъ противъ личности, какъ въ жалобахъ Минусинскихъ кочевыхъ инородцевъ, такъ и въ постановленіяхъ ихъ властей; эти проступки здѣсь носятъ совершенно цивильный характеръ, если не сопровождаются побоями или тѣлесными поврежденіями. Объясняется это условіями степной жизни, отсутствіемъ близкой къ населенію судебной власти, царствомъ того „дикаго и жестокаго“, о которомъ упоминаетъ § 68 ст. Уст. объ инор. 1822 г. Здѣсь насилію противополагается насиліе, а самоуправству—защита силой своего интереса. Поэтому жалобы пестрятъ описаніемъ побоевъ, дракъ, тѣлесныхъ поврежденій и совершенно умалчиваютъ о печальной ихъ причинѣ, которая часто бываетъ насиліемъ или самоуправствомъ, слабо усвоенными инородцами, какъ самостоятельные проступки.

в) *Незаконное лишеніе свободы.* Минусинскіе кочевые инородцы усвоили себѣ понятія преступнаго „*задержанія и заключенія*“.

Бирскій родовый староста Кыштымовъ постановилъ арестовать на семь сутокъ Илью Тотарова за неявку его на судъ Словесной Расправы по повѣсткѣ родоваго старосты. На такое постановленіе послѣдовала жалоба.

У мирового судьи 1 уч. Минусинскаго уѣзда производилось дѣло по жалобѣ кочеваго инородца Абаканской инор. управы на незаконное задержаніе и заключеніе въ теченіе дня въ юртѣ его сына мальчика 12-ти лѣтъ, заподозрѣннаго въ угонѣ лошади крестьяниномъ дер. Комарковой.

Хотя *карамчи*, форма совершенія брака чрезъ похищеніе дѣвицы—невѣсты, еще не исчезла у Минусинскихъ инородцевъ, но такое похищеніе не признается преступнымъ только въ томъ случаѣ, если оно произошло по *согласію* похищенной и ея родителей; въ противномъ же случаѣ оно признается преступленіемъ и влечетъ за собою жалобу не только инородческимъ властямъ, но часто и мировому судьѣ, и прокурорскому надзору. При этомъ наблюдается такое явленіе: инородцы предпочитаютъ обращаться къ органамъ судебной власти, а чтобы устранить дѣло изъ подсудности Словесной Расправы, то обыкновенно въ жалобахъ на насильственное похищеніе дѣвицы прибавляется указаніе на насильственное отнятіе имущества (грабежъ съ насиліемъ)

5. *Посягательства противъ личной чести.* Ни однимъ понятіемъ народа не освѣщается такъ его воззрѣніе на личность, какъ понятіемъ о *личной чести*. Только новѣйшему времени принадлежитъ усвоеніе понятія о личной чести, какъ выраженія нравственной личности человѣка; только въ новѣйшее время усвоенъ взглядъ, что честь принадлежитъ каждому лицу независимо отъ его общественнаго или государственнаго положенія. Казалось бы, кочевой бытъ Минусинскихъ инородцевъ, проникнутый родовыми началами, долженъ быть далекъ отъ таковаго пониманія чести. На самомъ дѣлѣ это не такъ; и современое понятіе о чести проникло въ Минусинскія степи и усвоено кочевыми инородцами; и здѣсь понятіе о чести является нынѣ идея нравственной лично-

сти и понятіе личнаго достоинства независимо отъ положенія лица въ общественной лѣстницѣ.

Андрей Шадринъ, Тубинскаго рода, улуса по р. Бирѣ проситъ Абаканскую инородную управу привлечь за клевету Корола и Марфу Аёшиныхъ, распускающихъ слухи, что онъ скрывалъ неизвѣстнаго человѣка, похитившаго у нихъ коня и деньги.

Тубинскій родовый староста прекратилъ дѣло за смертію Марфы Аешиной, „на которую жалуется Шадринъ". (20 февраля 1901 г.).

Яковъ Доможаковъ, Шалошина 2 п. рода, проситъ привлечь Варлаама Шоева за оклеветаніе его дочери Елизаветы. Обстоятельства дѣла слѣдующія:

Елизавета была замужемъ по инородческому обычаю за сыномъ Варлаама Шаева—Олохомъ. Не ужившись съ семействомъ Олоха Шаева, она собрала свое имущество и ушла отъ него. Тогда Варлаамъ Шаевъ, свекоръ, заявилъ о томъ, что Елизавета его невѣстка, украла у него 50 руб., и она была обыскана въ присутствіи родоваго старосты. 27 марта 1901 г. стороны помирились въ присутствіи управы.

Инородецъ улуса Кутень-Булуна Тимофей (Нозика) Доможаковъ проситъ привлечь за клевету Степана Килижекова, обозвавшаго его „разными позорными словами какъ-то: воромъ, мошенникомъ и разбойникомъ".

Приведу для примѣра еще слѣдующее постановленіе. 1903 года марта 11 дня, я староста вѣдомства Абаканской инородной управы, Тубинскаго рода Кыштымовъ слушалъ жалобу инородца подвѣдомственнаго мнѣ рода Нойка—Алексѣя Федорова Арыштаева, который объяснилъ, что онъ отдалъ дочь свою Акулину 16 лѣтъ въ услуженіе инородцу Даніилѣ Иванову Аткинну. Дочери почему-то не понравилось служить у Аткинна; она ушла отъ него и возвратилась домой. По уходѣ ея явился въ домъ его, Арыштаева, Аткинъ и началъ укорять его дочь Акулину зачѣмъ она ушла, причемъ называлъ ее „сучкой" и другими непотребными словами. Свидѣтелями были инородцы Дмитрій Федоровъ Арыштаевъ, Константинъ Федоровъ Арыштаевъ и жена Искы, которые подтвердили жалобу Алексѣя Арыштаева. Объяснила и сама потерпѣвшая, Акулина, что ея оскорбилъ Аткинъ, и что жить у него она не желаетъ. Принимая во вниманіе, что хотя Акулина Арыштаева и самовольно ушла отъ Аткинна, не предупредивъ отца своего, но всетаки Аткинъ не имѣлъ права наносить ей обиду, тѣмъ болѣе еще несовершеннолѣтней дѣвушкѣ, и что отецъ ея согласился на признаніи виновнымъ Аткинна присудить (и присужденіи?) въ пользу дочери его 30 руб.

Постановилъ: признавая инородца Тубинскаго рода Даніилу Иванова Аткинна виновнымъ въ нанесеніи оскорбленія словами инородческой дѣвицѣ Акулинѣ Алексѣевой Арыштаевой, взыскать съ него въ пользу послѣдней 30 руб. Постановленіе это объявить сторонамъ съ правомъ

обжалованія въ Абаканскую инородную управу, куда представить и настоящее постановленіе.

Аткинъ обжаловалъ рѣшеніе родоваго старосты; въ жалобѣ онъ объяснилъ, что служившая у него по 1 руб. въ мѣсяцъ Акулина Арыштаева оказалась лѣнтяйкой; пришлось ее будить, чтобы дать корму скоту и дернуть за руку. Тогда она ушла къ дядѣ своему Дмитрію Арыштаеву; онъ, Аткинъ, началъ звать ее домой къ себѣ. Она обозвала его „язвой", а онъ ее по своей поговоркѣ сгоряча „сучкой". Этимъ воспользовался отецъ ея Нойка Арыштаевъ, чтобы отдѣлаться отъ взятыхъ у него, Аткина, въ долгъ 50 руб. съ тѣмъ, чтобы Акулина служила у него до Петрова дня, а остальныя деньги онъ, Аткинъ, соглашался ждать до году, но Арыштаевъ нашелъ болѣе выгоднымъ не платить ничего выставивъ свидѣтелями родныхъ братьевъ и жену. Староста призналъ оскорбленіе, когда онъ, Аткинъ, могъ сдѣлать дѣвочкѣ отеческое внушеніе— потеребить за уши. Сославшись на свидѣтелей, Аткинъ просилъ освободить его отъ платежа 30 руб.

Во 2-й степени Словесной Расправы дѣло разбиралось 30 октября 1903 г. Арыштаева и ея отецъ на судъ не явились.

Разсмотрѣвъ дѣло, члены нашли, что самъ Аткинъ не отпирается, что оскорбилъ Арыштаеву, но что сумма, присужденная за безчестіе велика, почему члены находятъ возможнымъ сбавить 10 руб. Срокъ для обжалованія рѣшенія крестьянскому начальнику назначенъ мѣсячный.

Аткинъ обжаловалъ рѣшеніе инородной управы. Крестьянскій начальникъ произвелъ дознаніе, допросивъ 16 апрѣля 1904 года отца потерпѣвшей Алексѣя Арыштаева, потерпѣвшую Акулину Арыштаеву и свидѣтеля дядю ея Дмитрія Арыштаева.

Обвиняемый Даніилъ Аткинъ неявился; повѣстка ему вручена; изъ дѣла видно, что въ январѣ 1904 года онъ былъ душевно боленъ. Едва-ли, конечно, онъ могъ поправиться въ условіяхъ степной жизни къ апрѣлю.

16 апрѣля крестьянскій начальникъ нашелъ: подавшій жалобу Даніилъ Аткинъ на разборъ дѣла не прибылъ, не смотря на полученіе имъ повѣстки; въ поданной жалобѣ Аткинъ проситъ рѣшеніе Абаканской инородной управы отмѣнить, потому, что отецъ потерпѣвшей и сама потерпѣвшая его дочь Акулина не заявляли ему о томъ, чтобы присудить съ него за безчестье, а также не заявляли о томъ и на судѣ, а староста присудилъ. Разсмотрѣвъ это дѣло и выяснивъ себѣ подробно обстоятельства, что Аткинъ виновенъ въ нанесеніи обидъ Акулинѣ Арыштаевой, таская ея за волосы въ чужомъ домѣ и ругая нецензурными словами дѣвочку еще несовершеннолѣтнюю Акулину Арыштаеву Постановилъ: рѣшеніе Абаканской инородной управы отъ 3 октября 1903 г. отмѣтить по настоящему дѣлу, а постановленіе родоваго старосты отъ 11 марта 1903 года утвердить, взыскавъ съ Даніила Аткинна въ пользу Акулины Арыштаевой 30 руб. (sic!).

Д. Посягательства на имущество.

1) *Кража.* Минусинскіе кочевые инородцы вполнѣ усвоили себѣ понятіе кражи, какъ умышленнаго тайнаго похищенія чужаго имущества съ цѣлію его присвоенія. Это наиболѣе распространенное преступленіе среди нихъ.

Практика Словесной Расправы не различаетъ видовъ кражи, но тѣмъ не менѣе особенно караются и караются съ черствой жестокостью конокрадство и скотокрадство. Отмѣчается также кража со взломомъ запоровъ и преградъ хранилищъ и обитаемыхъ и необитаемыхъ строеній.

Но что необходимо отмѣтить: степное уголовное право не знаетъ „укрывательства завѣдомо краденаго“ и „пріобрѣтенія или покупки завѣдомо краденаго“, какъ самостоятельныхъ преступленій.

„И тотъ воръ, кто укралъ, и тотъ, кто концы хоронилъ“. Находка похищеннаго при обыскѣ, разнорѣчіе въ показаніяхъ при допросахъ, или несоотвѣтствіе объясненій обстоятельствамъ дѣла влекутъ за собой обвинительный приговоръ за кражу.

Рецидивъ имѣетъ то значеніе, что судившійся ранѣе за кражу, или за нѣсколько кражъ, или осужденный неоднократно признается виновнымъ при малѣйшей уликѣ.

Виновный же вообще не сознается въ преступленіи при самыхъ явныхъ уликахъ, хотя нерѣдко безропотно платитъ наложенное взысканіе.

Уятъ огуръ чеслъ койды сюлемъ—стыда нѣтъ у вора, когда сознается; таковъ степной взглядъ на сознаніе обвиняемаго въ кражѣ.

Главнѣйшее богатство Минусинскихъ номадовъ заключается въ конскихъ табунахъ и стадахъ мелкаго и крупнаго рогатаго скота; и табуны, и стада „вольно не хранимы“ гуляютъ по необозримымъ степямъ, порос-

шимъ мелкимъ, но сытнымъ кипрецомъ—травою. Неудивительно, что конокрадство и скотокрадство во всѣхъ ихъ формахъ процвѣтаютъ въ Минусинскихъ степяхъ, и неудивительно, что дикія и жестокія истязанія примѣняются преимущественно къ конокрадамъ и скотокрадамъ, посягающимъ на важнѣйшія блага кочевыхъ инородцевъ.

А что представляетъ собою конокрадство и скотокрадство въ Минусинскомъ уѣздѣ можно судить по описанію, сдѣланному въ 1890—91 году при собираніи матеріаловъ по изслѣд. земленользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Енисейской губерніи *).

„По всей вѣроятности, конокрадство, въ качествѣ организованнаго промысла, выросло въ изслѣдуемомъ краѣ на почвѣ стариннаго обычая кочующихъ инородцевъ—скотоводовъ—угонять стада враждебныхъ сосѣдей. Затѣмъ еще долгое время послѣ завоеванія Сибири русскими, инородческія племена производили частые набѣги, которые также нерѣдко сопровождались угономъ принадлежащаго завоевателямъ скота, въ то время почти исключительно лошадей. И теперь главный контингентъ заправскихъ и мастерски исполняющихъ свое дѣло конокрадовъ поставляютъ инородцы Минусинскаго округа. Съ теченіемъ времени, обычай угонять лошадей мало по малу переработался въ промыселъ... Воруютъ и по одной лошади, воруютъ и цѣлыми табунами въ 10—20—30 головъ. Всѣ мѣстныя условія чрезвычайно благопріятствуютъ удачѣ, табунныя лошади круглый годъ содержатся на подножномъ кормѣ, безъ всякаго присмотра, и часто сами хозяева не могутъ узнать ихъ иначе, какъ по тавру".

„Всѣ причастныя къ конокрадству лица раздѣляются на двѣ главныя и при томъ строго разграниченныя категоріи собственно конокрадовъ и укрывателей". „Практика промысла выработала еще третью категорію причастныхъ къ нему лицъ, именно конокрадовъ—посредниковъ. Роль посредниковъ заключается въ слѣдующемъ: къ хозяину, у котораго украдена лошадь, является конокрадъ—посредникъ и предлагаетъ „выкупить" пропавшаго коня. „Выкупать", это значитъ уплатить предлагающему извѣстную сумму и затѣмъ, по его указанію, получить коня въ условленномъ мѣстѣ и въ условленное время".

Прошло 15 лѣтъ послѣ этого изслѣдованія, но положеніе Минусинскихъ степей не измѣнилось въ отношеніи конокрадства. Вотъ какую картину рисуетъ обвинительный актъ по дѣлу, разбиравшемуся Окружнымъ Судомъ въ Минусинскѣ 15—17 октября 1904 г. по обвиненію 20 человѣкъ по 1 и 2 ч. 1645 ст. улож. о нак.:

„Обширный Минусинскій уѣздъ съ его сравнительно мягкимъ климатомъ и обширнѣйшими площадями плодоносной земли, густо населенной, является ареной интенсивнаго земледѣльческаго труда и скотовод-

*) Матер. Енис. губ. т. IV, вып. 4 стр. 212.

ства, постепенно расширяющейся отъ постоянно приливающей сюда волны переселенія, на этой почвѣ плодотворнаго труда ввидѣ паразитнаго грибка издавно свило себѣ гнѣздо конокрадство, располагающее здѣсь обширнымъ и матеріаломъ и внутреннимъ рынкомъ... Хищники лошадей, дойдя въ поступательномъ развитіи своего занятія до промысла, неизбѣжно знакомились между собою; соединенные общими интересами они быстро поняли, что конокрадство, въ особенности предметъ похищенія непримѣнно требуетъ для успѣшнаго и безнаказаннаго реализированія кражъ артельной организаціи. Сознанная необходимость нашла въ лицѣ конокрада Евгенія Узунова своего организатора, составившаго нѣчто въ родѣ промышленной компаніи, гдѣ каждый работалъ съ вѣдома и въ интересахъ другого. По свидѣтельству Скрипкина, Узуновъ, собравъ къ себѣ товарищей по ремеслу, обратился къ нимъ съ предложеніемъ сообща воровать, сбывать и дѣлиться выручкой; предложеніе Узунова пришлось по сердцу его единомышленниковъ; и вотъ сразу создается кругъ конокрадовъ, душой и центромъ котораго, конечно, какъ и слѣдуетъ ожидать, является Евгеній Узуновъ, каковой, какъ учредитель предпріятія, занимаетъ въ немъ наиболѣе спокойное и доходное положеніе: онъ кражами самъ не занимается, лошадей похищаютъ его сотоварищи, а на его долю выпадаетъ руководство общей постановкой дѣла, сбытъ похищаемаго, получка денегъ, распредѣленіе таковыхъ между соучастниками и, какъ мы сей-часъ увидимъ, своеобразное представительство фирмы „Е. Узуновъ и К°.“ Сбывать краденыхъ лошадей можно, конечно, лишь въ сравнительно отдаленныя отъ мѣста ихъ похищенія мѣстности, что требуетъ затраты и времени, и личныхъ силъ, да, наконецъ, и рискованно; опытъ конокрадской профессіи, считаясь съ этимъ, остановился на слѣдующей остроумной комбинаціи: похищаемыя лошади чаще всего никуда не сбываются, а прячутся въ укромныя мѣста; потерпѣвшія отправляются на розыски, распрашивая тѣхъ и другихъ, а чаще всего, конечно, лицъ, извѣстныхъ по прикосновенности къ конокрадству и оперирующихъ въ опредѣленномъ районѣ; отъ послѣднихъ они узнаютъ, что лошади ихъ находятся въ распоряженіи конокрадовъ, и что ихъ можно получить за опредѣленный выкупъ; выкупъ назначается ниже дѣйствительной стоимости похищенной лошади и въ пропорціональной зависимости отъ цѣнности похищаемаго. Для потерпѣвшаго, убѣжденнаго опытомъ въ безуспѣшности личныхъ и оффиціальныхъ розысковъ, конечно выгодно получить по сходной цѣнѣ свою лошадь, безъ ненужной траты подчасъ очень дорогого времени; онъ покорно несетъ выкупную сумму и получаетъ лошадей. „Евгеній Узуновъ въ своей резиденціи на Копыгинской заимкѣ близъ Минусинска принимаетъ стекающихся къ нему со всѣхъ сторонъ челобитчиковъ—потерпѣвшихъ, беретъ отъ нихъ дары исключительно впрочемъ въ видѣ водки, выслушиваетъ ихъ заявленія, сообщаетъ таковой и даетъ затѣмъ распоряженіе своимъ агентамъ о выдачѣ лошадей“.

Члены компаніи были обличены и понесли должное наказаніе. Членами шайки оказались все русскіе: мѣщане и крестьяне. Кочевыхъ ино-

родцевъ на скамьѣ подсудимыхъ не было; и среди многочисленныхъ потерпѣвшихъ и свидѣтелей не оказалось инородцевъ. Вотъ что значитъ признавать конокрадство между инородцами въ предѣлахъ ихъ кочевьевъ *исковымъ дѣломъ:* матеріалами для дѣла о конокрадской шайкѣ послужили дѣла, возникавшія по обвиненію того или другого члена фирмы „Е. Узуновъ и К°." въ отдѣльныхъ кражахъ у мировыхъ судей. Дѣла Словесной Расправы, какъ исковыя, не могутъ служить матеріаломъ для уголовнаго дѣла! Среди улусовъ Абаканской и Аскызской инор. управъ есть такіе, гдѣ всѣ жители занимаются конокрадствомъ и сбытомъ краденыхъ лошадей; то, что „Е. Узуновъ и К°." на Коныгиной заимкѣ дѣлали тайно отъ властей и непосвященныхъ въ тайны промысла лицъ, въ кочевьяхъ Минусинскихъ инородцевъ, въ улусахъ Абаканской и Аскызской инородн. управъ, граничащихъ съ мѣщанскими и крестьянскими землями, дѣлаются явно, открыто, не заключая въ себѣ состава преступленія, и имѣя послѣдствіемъ лишь *искъ въ Словесной Расправѣ.* Фирма „Е. Узуновъ и К°." образована была по образцу многихъ подобныхъ компаній, издавно существующихъ въ инородческихъ кочевьяхъ.

Существованіе такихъ фирмъ и конторъ вызываютъ приговоры, подобные слѣдующему:

17 февраля 1901 г. Аскызскій управскій сходъ, какъ мѣру борьбы съ конокрадствомъ, опредѣлилъ: обязать инородцевъ Аскызской инородной управы, живущихъ по р. Баръ, переселиться къ улусамъ Тапты и Тардокъ, жителей Немира къ сезу Синявинскому, а инородцевъ, живущихъ по разнымъ заимкамъ, переселиться въ пункты, болѣе заселенные жителями.

Вѣдь и Минусинское городское общественное управленіе озабочено тѣмъ, какимъ образомъ жителей разныхъ заимокъ: Коныгиной, Ключей и др. заставить переселиться въ городъ и тѣмъ разрушить эти воровскія гнѣзда.

Изъ слѣдующаго постановленія можно видѣть виды степныхъ кражъ, размѣръ гражданскихъ взысканій и ихъ замѣну:

ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

1904 года ноября 5 дня родовый староста Шалошина 1 пол. рода Доможаковъ, вѣдомства Абаканской инородной управы, получилъ увѣдомленіе отъ 20 октября с. г. за № 4263 о задержаніи извѣстнаго конокрада инородца Шалошина 1 пол. рода Юсу—Ивана Александрова Доможакова, скрывавшагося долгое время и сдѣлавшаго массу кражъ, слушалъ словесное заявленіе инородцевъ, предъявляющихъ къ задержанному Доможакову согласно 75 ст. полож. о Сиб. инор. иски за кражи, сдѣланныя имъ съ 1899 года, а именно:

1. Карпомъ Кулагашевымъ за кражу 11 скотинъ 220 руб.

2. Николаемъ Кылыжековымъ и Петромъ Траяковымъ за кражу 2-х лошадей 60 руб.

3. Кланомъ—Прокопіемъ Кулагашевымъ за кражу коня съ уздой 46 р.

4. Кланомъ Доможаковымъ за кражу коня и обротки 30 руб.

5. Самойломъ Доможаковымъ за кражу вещей 24 руб,

6. Григоріемъ Доможаковымъ за кражу коровы, быка, сѣдла и проч. 75 р.

7. Егоромъ Аршаковымъ за кражу 2-хъ лошадей и шубы 95 руб.

8. Иваномъ Доможаковымъ за кражу кобылы 15 руб.

9. Ильей Доможаковымъ за кражу коня 40 руб.

10, Тимофеемъ Доможаковымъ за кражу шубы 20 руб.

11. Яковомъ Доможаковымъ за кражу вещей 115 руб.

12. Таратомъ Шапочниковымъ за кражу сѣдла 20 руб.

13. Григоріемъ Кулагашевымъ за кражу сѣдла 35 руб.

14. Варламомъ Шапочниковымъ, Поякомъ Шалгановымъ, Алексѣемъ Бѣлоглазовымъ, Корчикъ Шалгановымъ, Николаемъ Сукинымъ, Сарко Байкаловымъ за кражу лошадей, разныхъ вещей и обрѣзаніе хвостовъ и гривы—365 руб.

15. Андреемъ Мойкагашевымъ за кражу коня 40 руб.

16. Кортаемъ Доможаковымъ за кражу вещей 72 р.

17. Кланомъ Кулагашевымъ за кражу коня и кобылы 35 руб.

18. Чабаемъ Доможаковымъ за *кражу со взломомъ юрты* разныхъ вещей на сумму 451 р.

19. Ильею Райковымъ за кражу лошадей 206 р. 80 коп.

20. Кланомъ Кулагашевымъ за кражу простаго сѣдла 7 руб.

21. Павломъ Аршаковымъ за кражу 2-хъ лошадей 80 руб.

22. Пеке Моховымъ за кражу сѣдла 15 руб.

23. Алексѣемъ Тонзыбаевымъ и Осипомъ Тугужековымъ за кражу вещей 43 руб.

24. Баяномъ Болгановымъ за *кражу со взломомъ* разн. вещей 345 р. 30 к.

и 25. Павломъ Аршаковымъ за нанесеніе тяжкихъ побой.

Всего на сумму 2449 руб. 10 коп.

Всѣ положенныя кражи своевременно были разсмотрѣны въ 1-й степ. Словесной Расправѣ, большею частію *по словеснымъ постановленіямъ*, взыскано было съ Доможакова только 7 руб., найденныхъ при обыскѣ въ его карманѣ, каковые и поступили въ пользу Тарата Доможакова за украденное сѣдло, а остальные 2442 руб. 10 коп. за неимѣніемъ у Доможакова никакого имущества при бродячемъ образѣ жизни взыскивалось *отдачею въ заработки*, но и по сіе время за побѣгами съ работъ, а за

тѣмъ впослѣдствіи—бродяжества не отработаны. Кулогашевъ, Доможаковъ, Трояковъ и друг. просятъ: въ видахъ того, что Юса Доможаковъ, за учиненныя преступленія наказанію не подвергнутъ—ибо присуждался только къ платежамъ, коихъ не уплатилъ за неимѣніемъ имущества согласно 86 и 140 ст. ст. полож. о Сиб. инор., а также *дѣйствующихъ степныхъ обычаевъ* наказать Доможакова, какъ окончательно неисправимаго и вреднаго, *продолжительнымъ арестомъ*, каковой въ видахъ возбужденнаго уже ходатайства о ссылкѣ Доможакова необходимъ; *неоконченные дѣла* объ Юсѣ Доможаковѣ Райковъ, Кулагашевъ и друг. просятъ *за безполезностью* не возбуждать; по наказаніи же его продолжительнымъ арестомъ, всѣ просители будутъ считать себя удовлетворенными.

Принимая во вниманіе заявленіе потерпѣвшихъ и безусловную порочность Юсы Доможакова, а также и то, что всѣ преступныя дѣянія были разсмотрѣны, подтверждены свидѣтельскими показаніями и отчасти сознаніемъ подсудимаго, въ семъ исключительномъ случаѣ, въ виду неудобства вызова при назначеніи разбирательства и отказа потерпѣвшихъ явиться на судъ *по безполезности имъ суда безъ* наложенія денежнаго взысканія, и въ предупрежденіе вновь могущаго быть побѣга Доможакова, при вызовѣ его сюда, въ родовое управленіе, согласно 86 и 140 ст. полож. о Сиб. инор., степныхъ законовъ и обычаевъ, *заочно* безъ присутствія Доможакова постановилъ: инородца Абаканской инородной управы Шалошина 1 пол. рода Юсу—Ивана Александрова Доможакова за все значущееся выше, *полностію незаписанное* за неимѣніемъ свѣдѣній, подвергнуть аресту при Абаканской управской тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ, *сокративъ срокъ* заключенія согласно Всемилостивѣйшаго Манифеста 11 августа 1904 г. на $^1/_3$. Постановленіе это объявить истцамъ нынѣже, а Доможакову съ правомъ отзыва въ установленный (?) срокъ чрезъ Абаканскую инородную управу.

Если въ этомъ постановленіи менѣе всего отразились „степные законы и обычаи", упоминаемые здѣсь всуе, за то вліяніе имперскаго законодательства очевидно.

2) *Грабежъ и разбой.*

Грабежъ безъ насилія подсуденъ Словесной Расправѣ, а грабежъ съ насиліемъ и разбой общимъ судебнымъ установленіямъ.

Кочевые инородцы вполнѣ сохранили въ отношеніи грабежа воззрѣнія XVII вѣка: открытое похищеніе имущества менѣе тяжкое преступленіе. Объясняется это условіями степной жизни, гдѣ каждый долженъ самъ защищать себя и свое имущество, и никто здѣсь не допуститъ открыто похи-

щать принадлежащее ему; но если кто отниметъ вещь, и она окажется принадлежащею отнявшему, то послѣдній не наказывается.

3) *Мошенничество.*

Минусинскіе кочевые инородцы недостаточно усвоили себѣ современное понятіе о мошенничествѣ, какъ умышленномъ похищеніи чужаго имущества посредствомъ обмана. Обманъ, какъ лживый поступокъ, въ ихъ понятіяхъ является преступнымъ, если имъ и не нарушается чьихъ либо имущественныхъ правъ. Однако не чуждо имъ понятіе о мошенничествѣ, хотя они и смѣшиваютъ его съ гражданскимъ обманомъ и видятъ мошенничество во всякой недобросовѣстности контрагента при заключеніи и исполненіи сдѣлки.

Мошенничество преступленіе развитаго гражданскаго строя; при сравнительно примитивныхъ отношеніяхъ кочевниковъ, при ихъ низкомъ культурномъ уровнѣ и слабой юридической мысли ими часто мошенничествомъ признается дѣяніе, неимѣющее ничего общаго съ этимъ преступленіемъ.

Не будетъ лишнимъ привести такое постановленіе Абаканской инор. управы:

1901 года сентября 27 дня. Члены Абаканской инородной управы, разсмотрѣвъ жалобу инородца Шалошина 2 пол. рода Сидоя Ивана Сарлина, жалующагося на постановленіе старосты Шалошина 2 п. рода, состоявшееся 23 с. сентября, коимъ онъ староста призналъ право пользованія сѣнокосным участкомъ инородческой вдовы Алапо Созоевой инородцу Сарко Тугарину, нашли что Сарко Тугаринъ арендовалъ у инородки Алопъ Созоевой сѣнокосный паекъ; въ прошломъ году у него кончался срокъ аренды этого пайка, и онъ снова заарендовалъ его на три года за 15 руб. Воспользовавшись однимъ лѣтомъ прошлаго года, она, Созоева, сдала этотъ паёкъ другому лицу инородцу Сидой—Ивану Сарлину, не давъ додержать ему, Тугарину, еще 2 лѣта, что Созоева сдала Сарлину во вторыя руки аренду помянутаго пайка потому, что ей Сарлинъ далъ дороже, чѣмъ Тугаринъ, а что Созоева передала аренду Сарлину оказывается уже не во вторыя руки, а въ третьи руки, что доказывается росписки выданной Созоевой инородцу Таштандину, но по-

слѣдній, узнавъ, что она—сдала уже ранѣе покосъ Тугарину, отъ аренды отказался, тогда она уже передала Сарлину. Принимая во вниманіе, что сдача Созоевой въ аренду покоса Тугарину доказана, что она и сама не отвергаетъ, что Созоева, сдавая одинъ и тотъ же паекъ тремъ лицамъ изъ выгодъ воспользоваться деньгами аренды вдвойнѣ, *Постановили*: постановленіе старосты Шалошина 2 пол. рода, состоявшееся 23 сентября с. г., утвердить, въ жалобѣ инородцу Сидой—Ивану Сарлину отказать; *кромѣ того*, признавая Алапъ Созоеву виновной въ *мошенничествѣ*, выразившееся сдачею въ аренду нѣсколькимъ лицамъ одного и того же сѣнокоснаго участка, подвергнуть ее, Созоеву, аресту въ каталажкѣ при управѣ на три дня, постановленіе это объявить съ правомъ обжалованія недовольною стороною въ мѣсячный срокъ Крестьянскому Начальнику 1-го уч. Минусинскаго уѣзда *).

4) *Присвоеніе и растрата чужаго движимаго имущества.*

Доможаковъ взялъ у Чаркова 200 руб. чтобы дать взятку за то, чтобы не вскрывали тѣло жены Чаркова. Доможаковъ взятки не далъ, а деньги присвоилъ. Тубинскій родовой староста опредѣлилъ возвратить деньги 200 руб. Чаркову.

Опекунъ дядя за растрату имущества опекаемаго племенника былъ приговоренъ къ аресту на недѣлю.

Заключеніе.

Невольно напрашивается вопросъ: откуда позаимствованы и какъ удержались въ степной жизни Минусинскихъ инородцевъ такія суровыя несоотвѣтствующія современнымъ культурнымъ понятіямъ жестокости, выражающіяся въ истязаніяхъ и пыткахъ?

Недалеко ходить и за отвѣтомъ.

Объясачиваніе инородцевъ происходило въ XVII вѣкѣ. Тогда въ монгольскихъ степяхъ дѣйствовали ойратскіе законы, неотличавшіеся мягкостью. Ясакъ Чингисхана былъ щедръ на смертную казнь; дѣйствительныя преступленія въ немъ смѣшаны съ нелѣпыми и грубыми суевѣріями—вліи-

*) Книга на записку рѣшеній управы 1900 и 1901 г. л. 63—64.

ніемъ шаманизма, напр.: „Тотъ, кто мочится въ воду или на пепелъ (огонь), также предается смерти“ *). Смерть назначалась за прелюбодѣяніе, содомію, за ложь, волхвованіе, за подсматриваніе за поведеніемъ другаго, за вмѣшательство въ споръ, за банкротство послѣ третьяго раза и проч., и проч.**).

По Цааджинъ-Бичику государственныя и религіозныя преступленія влекли за собою смерть; покоренныхъ враговъ убивали или обращали въ рабство.

А у насъ тогда была эпоха Судебниковъ и Уложенія, послѣ того, какъ мы успѣли по выраженію поэта „наглотаться татарщины въ сласть“ — усвоили ихъ пріемы управленія, познакомились съ поголовной (подушной) податью, испытали ямскую повинность и позаимствовали привилегіи (тарханныя грамоты) т. е., по словамъ историка права, 200 лѣтнее татарское иго „сообщило и государству нѣкоторыя частныя черты азіатскаго строя“.

Тогда преступниками признавались вѣдомые, лихіе люди.

По Судебникамъ преступникомъ признавался тотъ, кого считало такимъ общество; и у Минусинскихъ кочевыхъ инородцевъ нынѣ преступникомъ считаютъ того, кого молва, слухи и общественное мнѣніе признаетъ завѣдомо лихимъ человѣкомъ. Когда случается кража или иное преступленіе, то подозрѣніе падаетъ прежде всего на такого человѣка, у него производится обыскъ, его подвергаютъ пыткѣ. И по Уложенію обыскные люди обязаны были указать воровъ и разбойниковъ въ своемъ обществѣ ***). XVII вѣкъ не отличался мягкостью въ отношеніи наказанія.

*) Можно думать,—отсюда распространенное у русскихъ повѣрье, воспрещающее мочиться въ воду и пепелъ или огонь, какъ дѣйствія, пріятныя чорту.

**) Я. Гуриндъ: Степное законодательство. Ibidem.

***) Владимірскій—Будановъ Обзоръ Ист. Рус. Прав. 2 стр. 104, 188, 193 и 281.

„На первомъ планѣ стояла цѣль *обезпеченія* общества отъ преступника на будущее время, выражающаяся очень часто въ памятникахъ словами: „чтобы лихихъ людей вывести“ *). “Сообразно,—тому смертная казнь, пожизненная ссылка и изувѣчивающія наказанія—отсѣченіе рукъ, ногъ, пальцевъ, отрѣзаніе языка—щедро назначаются законодателемъ и широко примѣняется на практикѣ“. Клейменіе преступниковъ, отрѣзываніе носа, обрѣзаніе ушей и отсѣченіе части пальцевъ—служило для всѣхъ и каждаго предупрежденіемъ.“**).

Другая цѣль—*устрашеніе* преступника и всѣхъ гражданъ отъ совершенія преступныхъ дѣяній тяжестью и жестокостью наказаній—„чтобъ на то смотря, другимъ не повадно было такъ дѣлать“: публичность казней, битье кнутомъ въ проводку по улицамъ и площадямъ городовъ, выставка частей тѣла казненныхъ на кольяхъ, прибиваніе къ деревьямъ отсѣченныхъ рукъ и ногъ, оставленіе труповъ на висѣлицахъ и кольяхъ. При этомъ законодатель не входилъ въ подробности, мелочами не занимался.

Третья цѣль наказаній XVII вѣка было *извлеченіе выгодъ матеріальныхъ* изъ наказанія и изъ личности *преступника*.

При дѣйствіи Уложенія 1649 года наказанія нерѣдко назначались сепаратными указами; указъ 1700 года по поводу безпорядковъ въ Красноярскѣ повелѣваетъ: „а буде воеводы казнили смертью безвинно, и тѣхъ воеводъ за то

*) Н. Д. Сергѣевскій. Наказаніе въ Рус. Прав. XVII в. С.-Пб. 1887 г. стр. 12 и слѣд.

**) Въ Сибири и нынѣ встрѣчаются лица: клейменыя, съ урѣзанными языками, обрѣзанными ушами... Если клейменіе произведено надъ ссыльно-каторжными на основаніи закона, то урѣзаніе языка является послѣдствіемъ расправы населенія и достигнутыми на мѣстѣ преступленія лихимъ человѣкомъ.

Въ Минусинскомъ комитетѣ о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ инородецъ Чарковъ предложилъ двѣ мѣры борьбы съ конокрадами: или присвоять имъ особый знакъ таблицу съ надписью „воръ“ для ношенія на груди, чтобы каждый зналъ, что имѣетъ дѣло съ воромъ и остерегался его; или переселить всѣхъ воровъ въ крестьянскія волости, лишивъ ихъ благъ степной жизни. Крестьяне на послѣднюю мѣру иронически предложили инородцамъ помѣняться норами. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть отраженій XVII вѣка.

казнить смертью же; а буде кого пытали или кнутомъ били безвинно, и ихъ самихъ за то бить кнутомъ".

Такую систему наказанія испытывали на себѣ Сибирскіе аборигены, кроткіе номады. И то пепустой звукъ, что инородцы Енисейской губерніи „кроткіе номады". Мы у нихъ не встрѣчаемъ слѣдовъ кровной мести, они охотно подчинялись русской власти, лишь бы она гарантировала имъ безопасность отъ нападеній и захватовъ болѣе рѣшительныхъ кочевниковъ; они были знакомы съ жестокостями, такъ сказать, междуроднаго свойства; монгольскіе хищники не вторгались въ ихъ внутреннія дѣла; господство ихъ ограничивалось наложеніемъ ясака, дани, внутренній миръ у нихъ держался на почвѣ мягкихъ взаимныхъ отношеній, далекихъ отъ кровавой расправы другихъ народовъ на той же ступени развитія *).

*) А. Р. О законахъ нѣкоторыхъ восточныхъ Сибирскихъ инородцевъ (Сибирскія Вѣсти. изд. Григорія Спасскаго 1823 г. Часть I): „Всѣ инородцы, населяющіе пространную Сибирь, управляются собственными своими законами, исключая уголовныхъ преступленій. Законы ихъ отличаются отъ законовъ другихъ народовъ, находящихся въ одинаковой степени образованности, особенно тѣмъ, что они не имѣютъ ничего варварскаго, ничего противнаго человѣчеству. Нельзя предполагать, чтобы оные могли быть произведеніемъ сихъ народовъ, ибо законы всѣхъ восточныхъ Сибирскихъ инородцевъ, кромѣ чукчей, коп до сихъ поръ мало извѣстны, имѣютъ повидимому одинъ характеръ, одно правило, что всякое преступленіе влечетъ за собою лишеніе собственности. Правило весьма благоразумное, и которое у сихъ народовъ могло имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія, ибо всякій изъ нихъ, лишаясь собственности, перестаетъ пользоваться свободою, но долженъ быть въ зависимости отъ другихъ—зависимость сія у всѣхъ малообразованныхъ, а тѣмъ болѣе у кочевыхъ народовъ, есть нѣкоторый родъ рабства. Неизвѣстны когда сіи законы введены, но безъ сомнѣнія монголами или татарами, издавна господствовавшими въ сѣверной Азіи".

Однако тотъ же авторъ въ инородческихъ законахъ отмѣчаетъ и тѣлесныя наказанія, очень жалко, конечно, что онъ не приводитъ судебной практики. Тѣлесныя наказанія назначаются за многіе проступки. Кромѣ того мнѣніе А. Р. о гуманности степныхъ законовъ опровергается Сборникомъ обычнаго права Сибирскихъ инор. Д. Самоквасова. Кромѣ приведенныхъ уже выше примѣровъ нелишнее отмѣтить у тунгусовъ вѣдомства князя Гантимурова наказанія за кражу *лозами* и „*ботожьемъ, во удержаніе отъ дальнѣйшаго покушенія на подобнаго рода воровства*" (стр. 53) Самая цѣль наказанія—устрашеніе.

Необходимо отмѣтить еще одну черту степного законодательства и черту существенную можетъ быть главную причину дикости и жестокости нашихъ инородцевъ: отсутствіе процессуальнаго права. Если населеніе не ограждено отъ произвола властей цѣлесообразнымъ формальнымъ законодательствомъ, то, какъ бы гуманно ни было матеріальное пр. о, гуманныя начала послѣдняго побѣждаются и стушуются предъ прозой дѣйствительности: дикое и жестокое, послѣдствія животной борьбы за существованіе, послѣдствія дурныхъ нравовъ, станетъ доминировать въ области управленія и суда.

Несомнѣнно, что Минусинскіе инородцы усвоили и удержали не мало дикаго и жестокаго, что привилось имъ отъ монгольскихъ порядковъ; но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что за два вѣка, со времени объясачиванія до введенія устава 1822 года, инородцы многое усвоили и изъ того дикаго и жестокаго, что заключалось въ системѣ наказанія XVII вѣка ихъ покорителей и въ пріемахъ примѣненія послѣдними наказаній.

Всѣ упомянутые элементы наказанія въ русскомъ правѣ XVII вѣка легко отыскать въ степныхъ наказаніяхъ Минусинскихъ кочевыхъ инородцевъ: и устрашеніе, и обезпеченіе общества отъ преступниковъ, и извлеченіе матеріальныхъ выгодъ отъ преступника.

Истязаніе преступника всѣмъ обществомъ, тасканіе за волосы, битье до смерти, розги—все безъ мѣры, по усмотрѣнію представителей Словесной Расправы—„что-бы на то смотря другимъ не повадно было“. *Удаленіе преступника изъ среды общества, переселеніе, убійство всѣмъ обществомъ*, сокрытіе всякихъ слѣдовъ преступленія, если кѣмъ либо убитъ завѣдомый воръ—все-это для того, „чтобы лихихъ людей вывести“.

Взысканіе съ преступника, въ нѣсколько разъ превышающее стоимость похищеннаго, чрезмѣрные штрафы, отдача въ заработки—чтобъ что нибудь извлечь изъ преступника, изъ лихаго человѣка, совершенно безполезнаго человѣка въ пользу хорошаго человѣка, полезнаго члена общества.

И напрасно ссылаются дѣятели Словесной Расправы въ своихъ приговорахъ *на степные законы и обычаи;* въ массѣ случаевъ при опредѣленіи того или другого взысканія они руководствуются соображеніями цѣлесообразности: они поступаютъ съ преступникомъ такъ, какъ имъ кажется наи-

болѣе полезнымъ въ интересахъ истца и общества въ данномъ случаѣ, и полною кошницею черпаютъ они подходящій матеріалъ изъ доступнаго имъ и ихъ разумѣнію имперскаго законодательства и его практики, какъ до XVIII вѣка они черпали изъ ойратскаго уложенія и другихъ монгольскихъ законовъ. Но здѣсь необходима оговорка: монгольскіе ханы не вторгались во внутреннюю жизнь покоренныхъ и присоединенныхъ народцевъ; они не страдали и религіознымъ прозелитизмомъ. Русская государственная власть не оставила безъ своего вліянія ни одной стороны инородческой жизни, стремясь къ ассимиляціи инородцевъ съ русскими *); отсюда не мало въ степной жизни вольнаго и не вольнаго позаимствованія изъ имперскаго законодательства. Но въ то время, какъ имперское законодательство пошло по пути гуманизма, смягчая наказанія подъ вліяніемъ слагавшихся въ XVIII вѣкѣ въ западной Европѣ воззрѣній на почвѣ идей Томазія, Беккаріи и Монтескье, Сибирскіе инородцы были предоставлены самимъ себѣ; въ то время какъ въ XVIII вѣкѣ законъ у насъ признанъ единственнымъ источникомъ права и къ концу этого вѣка въ Наказѣ Императрицы Екатерины II выдвинуто начало: nullum crimen, nulla poëna sine lege,—кочевые Сибирскіе инородцы оставлены при усвоенныхъ ими до того воззрѣніяхъ, въ родѣ того, что преступникомъ считается тотъ, кого признаетъ такимъ общество.

Наше Уложеніе о наказаніяхъ обладаетъ массою недостатковъ, представляя собою „собраніе, сведеніе, и усовершенствованіе отечественныхъ законовъ“, начиная съ Уложенія 1649 г., но это всетаки законъ, который государственная власть по мѣрѣ развитія науки уголовнаго права и сообразно

*) Ойратское уложеніе 1640 г. ставило задачей увеличеніе значенія и силы монголо-ойратскаго союза, необходимаго для борьбы его съ внѣшними врагами; отсюда круговая порука и родовая отвѣтственность: „кто, услышавши о значительномъ непріятелѣ или увидѣвши его, не сообщитъ, подвергается раззоренію и умерщвленію съ его семействомъ; потомки же его потомковъ на всегда изгоняются“. Вообще уложеніе проникнуто началами международнаго права и родовой зависимости.

господствующимъ правовымъ воззрѣніямъ въ обществѣ старается усовершенствовать; и этотъ законъ обязателенъ для суда и гражданъ; но еще болѣе способствовали развитію гуманныхъ началъ въ нашемъ законодательствѣ судебные уставы 1864 г.

Уставъ объ инородцахъ 1822 г., окончательно отчудилъ инородцевъ отъ общаго законодательства; предоставивъ ихъ самимъ себѣ, онъ лишилъ ихъ въ области уголовнаго права блага закона.

Степная жизнь усложняется; но вліянію гуманитарныхъ наукъ не доступны степныя правовоззрѣнія; дѣятели *Словесной Расправы* далеки отъ пониманія тонкостей современнаго понятія о составѣ преступнаго дѣянія. Не удивительно, что неисполненіе договора въ степной жизни нерѣдко влечетъ за собою наказаніе наравнѣ съ преступнымъ похищеніемъ имущества или посягательствомъ на личную неприкосновенность.

Какъ въ XVII вѣкѣ законодатель мелочами не занимался, предоставляя исполнителямъ по ихъ правовоззрѣніямъ раздѣлываться съ лихими людьми, такъ и въ степномъ правѣ родовыя старосты въ качествѣ Словесной Расправы истязуютъ и наказываютъ нарушителей степного уклада въ той мѣрѣ, въ какой это имъ заблагоразсудится. И непонятны имъ начальственныя распоряженія, вытекающія изъ гуманныхъ побужденій, не понятны потому, что, воспрещая примѣнять тѣ или иныя тѣлесныя наказанія, не указываютъ того, что должно замѣнить отмѣненную степную репрессивную мѣру. Болѣзнь, поэтому, загоняется внутрь: бьютъ и истязуютъ не всенародно, какъ раньше, а при вѣрныхъ людяхъ и при ихъ участіи.

Когда законодатель опредѣлитъ, какія дѣянія, въ степномъ быту, слѣдуетъ считать преступными, и какія за нихъ

слѣдуетъ налагать наказанія, тогда „дикое и жестокое“ станетъ выходить изъ степной правовой жизни, и личность станетъ болѣе гарантированной въ своемъ существованіи.

Но это не все; важно не одно матеріальное право; необходимо, чтобы законъ точно опредѣлилъ правила, которыми необходимо руководствоваться для возможно полнаго и согласнаго съ интересами правосудія изслѣдованія преступленія и наказанія.

То *дикое и жестокое,* которое мы наблюдаемъ въ Минусинскихъ степяхъ, въ значительной степени обязано своимъ существованіемъ тому, что законъ не установилъ никакихъ процессуальныхъ правилъ. Обычному же праву менѣе всего подъ силу созданіе такого процесса, гдѣ бы интересы общества и обвиняемаго были согласованы.

Въ уголовномъ правѣ Минусинскихъ инородцевъ мы наблюдаемъ полное смѣшеніе моментовъ матеріальнаго и формальнаго права: истязанія и пытки для раскрытія истины, чтобы добыть сознаніе, сливаются вполнѣ съ наказаніемъ обвиненнаго; достаточно одного подозрѣнія, достаточно оговора и оговора совершенно голословнаго, чтобы заподозрѣнный или оговоренный подвергся всѣмъ жестокостямъ Степной Расправы: его бьютъ и истязаютъ, пока онъ не сознается; а когда онъ сознался, тогда вступаетъ въ дѣйствіе 86 ст. полож. объ инор. т. е. наступаетъ *примиреніе спорящихъ на основаніи степныхъ законовъ и обычаевъ,* о чемъ родовымъ старостой пишется постановленіе и отбирается отъ сознавшагося обвиняемаго подписка: онъ обязывается уплатить потерпѣвшему опредѣленную сумму...

Такъ осуществляется „главная обязанность Словесной расправы“ по прекращенію „частныхъ между инородцами несогласій“.

2007056060